

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Валерий БОЛЬШАКОВ

ВТОРОЙ ШАНС АДМИРАЛА

Военно-историческая фантастика

Валерий Большаков

Второй шанс адмирала

«Махров»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Большаков В. П.

Второй шанс адмирала / В. П. Большаков — «Махров»,
2017 — (Военно-историческая фантастика)

ISBN 978-5-04-089003-3

Бывший командующий Черноморским флотом адмирал Октябрьский в старости очень переживал главное поражение своей жизни – сдачу врагу Севастополя. Сдачу в тот момент, когда еще не все возможности для обороны были исчерпаны. Но судьба дала ему редкий шанс исправить свои ошибки – он может вернуться в прошлое, за день до начала Великой Отечественной войны. Подготовить флот и главную базу к обороне, не допустить потери Севастополя и Одессы. Сумеет ли адмирал воспользоваться предоставленным шансом? Воевать, а не прятать корабли в укромных бухтах! Самому искать боя, нападать и атаковать врага, без пощады и жалости! Вести Черноморский флот курсом к Победе!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089003-3

© Большаков В. П., 2017
© Махров, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава 1	12
Глава 2	18
Глава 3	26
Глава 4	32
Глава 5	36
Глава 6	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Валерий Петрович Большаков

Второй шанс адмирала

© Большаков В.П., 2017

© ООО «Издательство «Яуза», 2017

© ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Пролог

СССР, Севастополь. 1 июля 1969 года

Филипп Сергеевич Октябрьский старался пореже бывать в Севастополе – здесь он острее ощущал вину перед городом, перед его людьми – не этими, молодыми матросиками и их смешливыми подружками, что торопятся мимо, а теми, кто тридцать лет тому назад держал оборону против фашистов – и проклинал командующего Черноморским флотом, бросившего их всех – матросов, женщин и детей, раненых...

Октябрьский тоскливо вздохнул. Осенью ему стукнет семьдесят, он еще довольно крепок с виду, хотя и грызут, грызут болезни...

Ступает твердо, и выправка чувствуется, но как прихлынет память, так сразу плечи сутулятся, а ноги начинают шаркать по-стариковски. Гнетет, ох и гнетет прошлое...

Он потому и поселился в Старом Крыму, чтобы подальше быть от флота, от моря, но в этот самый день Филипп Сергеевич обязательно приезжал в Севастополь. Повиниться.

Поначалу-то совесть молчала, сговорчивая была. Время шло, стал себе оправдания подыскивать – и легко находил. А тут еще друзья-товарищи горой, всё хвалят да чествуют. И дочура всегда за папку заступалась – у Римки это с малолетства.

Он и держался – до последних лет. Вот когда, как это говорится, приперло.

Иногда даже было такое ощущение, что ходишь с табличкой на шее – «Предатель и трус». Идешь и поневоле голову в плечи вжимаешь, как будто встречные не топают себе дальше, а останавливаются и глядят тебе в спину, с презрением и легкой брезгливостью.

Ох, и тошно было... Ох, и погано...

Морщась, Филипп Сергеевич спустился по извилистой лестнице со стертymi ступенями из ракушечника – «трапу», как называли ее севастопольцы, – и прошелся по узкой улочке. Старый город всегда влек Октябрьского сильнее центральных улиц.

Здесь веяло историей, словно тот самый ветер, что надувал паруса ушаковских фрегатов, до сих пор сквозил узкими улочками.

Стены домишек из белого инкерманского камня сливались с белеными каменными заборами, над которыми висели на жердях виноградные лозы. Калитки были глубоко врезаны в каменистые изгороди, а рядом вмурованы черные ядра. Их оттеняла темная глянцевая зелень кипарисов.

Щурясь на солнце, Октябрьский свернул к лестнице Крепостного переулка. «Трап» уползал вверх вдоль желтой стены с бойницами – все, что осталось от Седьмого бастиона.

На верхней площадке, у заросшего дреком обрыва, Филипп Сергеевич остановился. Отсюда хорошо был виден купол Владимирского собора, и синело море, где важно проплывал серый корабль. Октябрьский присмотрелся – крейсер «Михаил Кутузов», флагман ЧФ...

* * *

...В сентябре 1941-го все складывалось трагично и страшно – немцы овладели Смоленском и Киевом, блокировали Ленинград, а 11-я армия фон Манштейна вышла к Крыму.

Но перечислять пункты обвинения адмирала Октябрьского, так и не попавшего под трибунал, можно с того самого грозового июня.

Следовало, ах следовало бомбить и бомбить румын, не позволять им качать нефть на промыслах в Плоешти. Надо было сделать так, чтобы «мамалыжники» мочились от страха, едва заслышав гул авиадвигателей!

И это стало бы не какой-нибудь, там, смелой инициативой, а исполнением прямых обязанностей командующего флотом.

Но вяло, вяло шли бомбежки – Октябрьский словно бы стеснялся применять силу. А на кой тогда флот и его ВВС – шесть сотен самолетов?

Как говаривал Владимир Ильич – «воевать, так по-военному!».

А оборона Одессы? Почему на помощь ее гарнизону был послан всего-навсего учебный крейсер «Коминтерн»? А почему не линкор «Парижская коммуна» с его-то дюжиной мощных двенадцатидюймовок? Не «новые» крейсера «Ворошилов» и «Молотов»?

Да и «старый» крейсер «Красный Кавказ» тоже был вооружен семидюймовыми орудиями. Чего бы стоил даже один ха-а-роший обстрел с моря немецко-румынских позиций, если их закидывать снарядами таких калибров! Но нет, никаких активных действий комфлота не предпринял – он берег матчасть...

Зато потом усердно вывозил в Крым части Приморской армии, оборонявшей Одессу. Не наступать помогал, а отступать, сдавать город врагу. Это как? Нормально?

Полуостров тогда обороняла 51-я Отдельная армия – ни одного танка, зато аж три кавалерийские дивизии...

Поступило подкрепление – Приморская армия. Ну, теперь-то наверняка немцы не пройдут в Крым! Прошли.

Что самое паршивое, Крым – идеальное место для обороны, и надо было очень постараться, чтобы позволить немцам оккупировать Крымскую область. Постарались.

Корабли ЧФ практически не участвовали в обороне перешейка, связывавшего полуостров с материком, и их орудия не открывали огня по наступавшим частям вермахта, а силы 51-й и Приморской армий вовсе не были сосредоточены у Перекопа, и никакой глубоко эшелонированной обороны тоже не существовало. Напротив, дивизии были размазаны по всему полуострову, готовясь отражать мифические немецкие десанты.

Горе-стратегам, в том числе и самому комфлота, даже в голову не приходило задуматься над тем, а как, собственно, вермахт станет десантироваться? С чего?

На Черном море немецкая Кригсмарине не присутствовала – не то что эсминца, даже поганой канонерки гитлеровцы тут не держали. Да и как бы тот же «Адмирал Шеер» или любой другой тяжелый крейсер типа «Дойчланд» прошел мимо Гибралтара, мимо Мальты, мимо Северной Африки, где хватало баз Королевских ВВС и Королевского флота Британии?

Однако элементарная логика не всегда учитывалась в стратегических разработках.

В ноябре остатки 51-й армии эвакуировались на Тамань, а «приморцы» отошли к Севастополю. Уж здесь-то можно было продержаться! Севастопольский оборонный район – СОР – был одним из самых укрепленных мест в мире – форты, береговая артиллерия... А в бухтах – Черноморский флот!

В декабре 41-го Ставка ВГК решила высадить в Крыму десант, перебросив в район Феодосии 44-ю армию, снятую с иранской границы, а на Керчь направив 51-ю армию. И как же бездарно все вышло!

Можно ругать Козлова, можно ругать Мехлиса, но в первую очередь надо себя клясть, товарищ Октябрьский!

Помнишь Керченский полуостров? На кой черт было высаживать пехоту прямо в ледяное море? Какие потери мы тогда понесли из-за страшного холода – солдаты шли к берегу по грудь в воде, прикладами разгоняя шугу! А ведь через несколько дней пролив замерз, и можно было спокойно переправиться по льду...

И ни одного госпиталя не развернули, сволочи, ни одного медсанбата!

А Феодосию помнишь? Кто тебе мешал вооружить корабли зенитками? Да ты должен был, просто обязан был это сделать! Но не сделал, и немцы потопили пять транспортов, едва не угробив крейсер «Красный Кавказ»! Особенно жалко было потерять «Жана Жореса», транспорт, полный боеприпасов...

Но самое противное в том, что все эти жертвы были принесены зря. Керчь тогда защищала всего одна 46-я немецкая дивизия, а в Феодосии и вовсе румыны стояли. Развить бы успех!

Если бы сразу погнать немцев от Керчи, а румын от Феодосии, решилась бы судьба всей 11-й армии вермахта, ведь для советских войск был открыт путь к жизненной артерии группировки фон Манштейна – железной дороге Джанкой – Симферополь. Слабый фронт охранения, созданный немцами, не смог бы устоять.

Однако комфронта Козлов оттягивал переход в наступление, ныл про недостаток средств, про нехватку сил...

А где был ты, Филипп Сергеевич? Почему молчал? Действовать надо было, действовать! Решаться на что угодно, даже на арест Козлова – нашлись бы в морской пехоте парнишки-сорохваты. Кого и чего ты боялся тогда? Армейского комиссара 1-го ранга Мехлиса? Да не послала бы Мехлиса Ставка, даже если бы ты решился на такую самодеятельность, как отстранение командующего фронтом! Победителей не судят!

Но время было бездарно, бестолково, бессмысленно упущено.

В апреле 42-го немцы перебросили в Крым 22-ю танковую дивизию, а потом, по личному распоряжению Гитлера, 8-й воздушный корпус люфтваффе. И все.

Две недели боев, и 170 000 красноармейцев угодили в плен. А Крым немцы переименовали в Готенланд...

Все силы фон Манштейн сосредоточил против Севастополя, которому в Берлине тоже подыскали новое название – Теодорихсхафен.

И чем же прославился вице-адмирал Октябрьский? О, за ним числится немало подвигов! Например, ты, Филипп Сергеевич, запретил военным кораблям сопровождать гражданские, из-за чего погиб транспорт «Армения» с пятью тысячами эвакуированных на борту.

Бравые пилоты люфтваффе потопили крейсер «Червона Украина», лидер эсминцев «Ташкент», эсминцы «Совершенный» и «Свободный»...

Да, вот так вот подлетали спокойно и топили – зениток-то нету!

Зато вице-адмирал очень любил ставить мины у черноморских портов – тысячи мин! – хотя флоту тогда противостояла всего пара вражеских кораблей – задрипанные румынские «миноносец с миноносцей». Естественно, что на минах гибли суда СССР, чуть ли не двадцать пароходов ушли тогда на дно...

Господи, позорище-то какое...

Хотя нет, криво усмехнулся Октябрьский, срам был впереди.

По сути, всю войну он только отступал и оборонялся, будто с самого начала готовясь сдать и Севастополь, и Крым. Чего стоит один лишь вывоз в Потти и Туапсе пятнадцати тысяч тонн боеприпасов с главной базы! Тех самых снарядов, патронов и мин, которых стало не хватать защитникам города-крепости.

Более того, вывезли и врачей, и весь их медицинский скарб.

Это как? Вы, дескать, солдатуськи, стойте насмерть, а мы пока начнем потихоньку эвакуироваться?

Всё сделав для того, чтобы потерпеть поражение, командование решило бежать с «тонущего корабля».

Севастополь был еще очень силен, и фон Манштейн боялся близко подходить к городу, но трусы из флотской верхушки и партхозактива едва сдерживали позыв обгадиться.

И в ночь на 1 июля не выдержали-таки. Начался великий драп.

Комфлота быстренько передал командование СОРОм генерал-майору Петрову, а тот накатал боевой приказ, где в пункте первом значилось: «Дальнейшая организованная оборона исключена».

Естественно, исключена, раз отцы-командиры бросили солдат с матросами и ринулись в тыл – стирать подштанники!

Петров быстренько оставил за себя генерал-майора Новикова, скороговоркой пожелал ему успехов и бежал вместе со всем штабом возглавляемой им Приморской армии на подлодке Щ-209.

А командующий Черноморским флотом в это время спешил на Херсонесский аэродром. Чтобы его не узнали в толпе тех, кого эвакуировать никто не собирался, особисты накинули на вице-адмиральский мундир плащик. Юркнул товарищ Октябрьский в самолет, и был таков...

По старому морскому обычаю, по корабельному уставу, капитан последним покидает тонущее судно. Но чтобы командующий первым бросал свой флот, как крыса... Вот где стыд!

А в 58-м году ему присвоили звание Героя Советского Союза – «за умелое руководство флотом и проявленное мужество, отвагу и героизм в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками».

Это было как пощечина, как издевка...

* * *

...Филипп Сергеевич застонал, замычал, затряс головой. Бессильные слезы жгли глаза. Сколько раз он пытался сказать правду о тех окаянных днях, да так и не решился. И кто бы ему позволил «истину глаголить»? Она так неудобна, так некрасива...

Лучше уж отлакировать действительность да воспеть «мужество, отвагу и героизм» жалкого труса...

Адмирал вздохнул устало. Что проку в самобичевании? Или в покаянии? Легче тебе станет от этого? А тем, кого ты бросил, кого оставил умирать, им что, тоже полегчает?

Самое паршивое заключалось в том, что сами немцы не собирались брать Севастополь приступом, решив устроить блокаду, по примеру Ленинграда, уже на третий день после позорного бегства комфлота – слишком уж тяжело давался Манштейну штурм главной базы Черноморского флота.

Им бы два дня простоять да две ночи продержаться...

Октябрьский подумал, что многие тогдашние трусы себя таковыми вовсе не считали. Они с достоинством таскали незаслуженные ордена, диктовали литобработчикам «героические» мемуары и тихо радовались, что вовремя драпанули...

...Мимо, сыто урча мотором, проехал большой белый фургон. Размером с «Икарус», угловатый, он слегка покачивался на колдобинах. Решетчатая «тарелка» антенны наверху словно намекала на принадлежность транспортного средства телевидению.

Фургон мягко затормозил, открылась дверь, и по легкой алюминиевой лесенке спустился мужчина в джинсах и рубашке. Вылитый телевизионщик.

Не спеша он подошел к Октябрьскому и сказал:

– Здравствуйте, Филипп Сергеевич.

– Мы знакомы? – затруднился адмирал.

– Это вряд ли. Зато я знаю вас. Меня зовут Тимофеев, Александр Сергеевич Тимофеев.

Хорошая погода сегодня, не правда ли?

– Неплохая, – буркнул Октябрьский. – Извините, я пойду.

Он и трех шагов не успел сделать, как его догнал негромкий голос Тимофеева:

– Филипп Сергеевич, а вы не хотели бы вернуться в прошлое? Могу устроить. Адмирал резко развернулся. Лицо его исказила гримаса бешенства.

– Оставьте меня в покое! – рявкнул он. – Не вам меня судить! Дайте хоть сдохнуть без ваших прямых эфиров!

Александр Сергеевич успокаивающе поднял руки:

– Филипп Сергеевич, ну какой из меня судья? Кстати, к Центральному телевидению я не имею ни малейшего отношения. У меня другая задача.

Октябрьский, остывая, уже чувствовал легкое смущение – чего ради было орать? Совсем нервы ни к черту...

– Какая? – буркнул он, лишь бы что-то спросить.

– Помочь вам, Филипп Сергеевич, проделать работу над ошибками. Поверьте, я не любитель дешевых розыгрышей. Когда я говорил, что могу вас вернуть в прошлое, я имел в виду именно это. Буквально. Ах, чую, чую, какой вопрос вы хотите задать! Про машину времени, да? Ах, Филипп Сергеевич, Филипп Сергеевич... Стоит ли считать несерьезными достижения хронодинамики?

– Нет такой науки.

– Это сейчас ее нет... Для жителя средневекового города сказкой покажется обычный для нас телевизор, вы считаете фантастикой машину времени. По-человечески это понятно.

– И куда вы хотите меня отправить? – усмехнулся адмирал. – В какой год?

– А дата для всех одинакова – 21 июня 1941 года.

– Для всех? Это что же, не я один такой... хм... счастливчик?

– Вы – третий по счету участник Эксперимента.

Октябрьский почувствовал легкое головокружение. Разговор они вели дичайший, словно Фауст и Мефистофель, но досада у адмирала прошла. Мало того, он начал верить Тимофееву.

Оттого ли, что Александр Сергеевич обещал исполнить его самую сокровенную, самую выстраданную мечту, или по иной причине, но верил.

– И что, – выговорил Октябрьский, – я вот так, как есть, окажусь на этом самом месте, но за день до войны?

– Ну, для начала надо разобраться, что такое это самое «Я». Ваше тело? Нет. Это даже не голова, как у профессора Доуэля, а то таинственное и невыразимое, что наполняет серые клеточки мозга, – душа ваша или сознание, личность, та сложнейшая, запутаннейшая вязь слабых токов, что начинается с искры при рождении и гаснет после смерти. Кстати, вы умрете ровно через неделю...

Адмирал кивнул лишь. Не до того.

– Весь этот фургон, – кивнул Тимофеев на свое средство передвижения, – можно назвать машиной времени. Он способен перемещаться на пятьдесят с лишним лет в прошлое или в будущее, на большее ему не хватит энергии. Если же речь о переброске человека со снаряжением, общей массой до ста двадцати килограммов, то глубина проникновения составит более восьмидесяти лет. Но с вами, Филипп Сергеевич, мы поступим еще проще – транслируем в прошлое лишь ваше сознание, или, если вычурней, вашу психоматрицу, – продолжил Александр Сергеевич. – Эта психоматрица идеально накладывается на мозг молодого вице-адмирала Октябрьского. Если грубо, то ваша нынешняя личность просто вытеснит тогдашнее вице-адмиральское «Я», останется одна в здоровом теле, вы как бы вдруг помолодеете – такими будут ощущения.

– И я буду все помнить?

– Обязательно. Все, что вы помните сейчас, сохранится полностью – ваши знания, опыт, все.

Больное сердце забилося чаще.

– Я согласен.

– Пойдемте тогда, – сказал Тимофеев обычным голосом и пошагал к фургону.

Пропустив вперед Октябрьского, он вошел сам и сказал двум девушкам-лаборанткам в белых халатиках:

– Готовимся, девочки!

– Все готово, Александр Сергеич!

– Укладывайтесь, товарищ Октябрьский.

– Мне раздеться?

– Не стоит.

Мельком оглядывая стойки с приборами, мерцающие экраны, Филипп Сергеевич осторожно прилег в удобное кресло-ложемент. Сверху над ним свисал большой колпак, к которому тянулся целый пучок проводов.

– Закройте глаза!

Октябрьский зажмурился, ощущая небывалое спокойствие. Он уже не метался, изнемогая, от веры к полному неверию, а словно погружался в теплый омут.

«И бысть тьма...»

Глава 1

Повторение пройденного

СССР, Севастополь. 21 июня 1941 года

Красный свет вспыхнул, сразу заполнив все, будто туманом, и лишь секунду спустя Октябрьский догадался открыть глаза.

Он был в своем кабинете, том самом, где встретил войну, на втором этаже штаба. Сидел за столом и...

Филипп Сергеевич поднес руки к глазам. Сильные руки, загорелые. Молодые. Тут ему всего сорок два...

Упруго поднявшись, он прошел к зеркалу около вешалки. На него смотрел не молодой, но справный, налитой здоровьем мужчина в кителе. Как говорится – в самом расцвете сил.

– Что, не узнал? – прошептал Октябрьский, оглаживая ладонью гладко обритую голову.

За десятилетия после войны он привык к иным прическам, хоть и стригся всегда коротко, по-военному. Усы отрастил, а тут – безусый, безволосый, как бильярдный шар...

Буйная радость начала раскручиваться в нем, требуя выхода. Хотелось орать и даже прыгать, чтобы хоть как-то выплеснуть бурлящую энергию, что захлестывала его.

Не обманул Тимофеев!

Быстро подойдя к окну, адмирал выглянул, обозревая бухту. Да, такое не придумаешь, декорации не нарисуешь – крейсер «Червона Украина», лидер эсминцев «Ташкент»...

Он там. В 1941-м. А число?

Припомнив, где у него висел настенный календарь, Октябрьский приблизился.

21 июня.

Все точно. Первым делом, заходя в кабинет утром, он отрывал листок со вчерашней датой. Это стало привычкой, которую не замечаешь. Тогда чего он ждет?

Выглянув в приемную, Октябрьский застал там начальника штаба флота контр-адмирала Елисеева.

– Зайди, – сказал Филипп Сергеевич и усмехнулся: – С тебя начну.

Елисеев белозубо улыбнулся в ответ и переступил порог кабинета командующего флотом.

– Возьми на контроль очень и очень важное дело, – проговорил Октябрьский. – Бумагу пока пачкать не будем – все должно пройти в тайне. Ну, более-менее.

Начштаба кивнул понимающе:

– Опасаешься немецкой агентуры, Филипп Сергеевич?

– Опасаюсь, Иван Дмитриевич. Тебя я знаю, потому слушай секретные сведения: сегодня ночью, примерно в три часа, немцы совершат авианалет на Севастополь.

– Но это же... – растерялся контр-адмирал.

– Да, это война. Но я не пугать тебя позвал. Надо скрытно подготовить все средства ПВО – проверить, снабдить боеприпасами, и чтобы никаких увольнительных и выходных! Сегодня нам спать не придется, Иван Дмитриевич. Не доверяешь?

– Ну, что вы...

– Перестань! – отмахнулся Октябрьский. – Я все прекрасно понимаю. Ночью убедись. Да, и еще. Летчикам быть в полной боевой. Чтобы самое большее без десяти три сидели в самолетах и прогревали моторы! И третье... Нужно срочно установить на кораблях дополнительные зенитные орудия. Схемы размещения разработать контр-адмиралу Вла-

димирскому в течение трех суток... – отдав распоряжения, Филипп Сергеевич помолчал и добавил ворчливо: – Наши корабли – просто готовые мишени для немецкой авиации! Понимаю, что за день зенитки не установишь, но несколько недель у нас будет. Нельзя допустить, чтобы крейсера, да и транспорты тонули из-за бомбежек! Что еще? Пока все. Ты начинай, а я на корабли наведуясь...

– Неужели посмеют? – сморщился Елисей, направляясь к двери.

– Иван Дмитриевич, – негромко сказал Октябрьский, – вдоль всей западной границы, от Черного моря до Балтики, стоят сто восемьдесят дивизий. И это только вермахт, а к нам еще и румыны припрутся. Тысячи танков, тысячи самолетов... Война будет долгая и страшная. Я для того тебя и озадачил, чтобы мы эту войну выиграли с наименьшими потерями. Понял? Ступай...

* * *

Весь божий день адмирал колесил по Севастополю или на катере обходил корабли. Не придираясь по мелочам, жестко требовал бдеть, быть готовыми к бою. Особенный напор Филипп Сергеевич проявил к полковнику Жилину, начальствующему над ПВО флота.

Первыми немецкие бомбардировщики встретят краснозвездные «И-16» и «МиГ-3» – над морем. Об этом Октябрьский серьезно переговорил с генерал-майором Русаковым, командующим ВВС флота.

Затем в бой вступят зенитчики, корабельные и береговые. Ни один стервятник не должен уйти безнаказанным.

Случился и долгий разговор с начальником гарнизона Моргуновым – надо было в течение двух-трех месяцев проверить работы, требовавшие как минимум нескольких лет.

Стратеги из наркомата и Генштаба готовили Черноморский флот к войне на море, а если и заходила речь об обороне, то опять-таки от обстрелов с моря и десантов. Стратеги почему-то не учли наличие танков и самолетов, а в итоге Севастополь, весьма прилично укрытый с моря, имел неприкрытую... спину.

Главную базу флота было трудно защитить с суши. Но надо!

Передовой оборонительный рубеж должен был пройти в пятнадцати километрах от города-крепости, по линии Камары – Чоргунь – Чергез-Кермен – Азиз-Оба – Кача.

Главный рубеж сухопутной обороны должен был проходить в пяти-восьми километрах от Севастополя, в полосе от района Сапун-горы до западных скатов Камышловского оврага, а далее по реке Каче до горы Тюльку-Оба.

Нужно было бросить на оборудование укреплений тысячи и тысячи людей, технику, обеспечить все на высшем уровне и как можно скорее, а не так, как «в тот раз», – лишь бы, лишь бы.

Необходимо было успеть возвести самостоятельные опорные пункты на главных танкоопасных направлениях – Чоргуньском, Чергез-Керменском, Дуванкойском и Аранчинском.

Устроить под сотню артиллерийских дотов и сотни три-четыре дотов и дзотов пулеметных, вырыть противотанковый ров километров сорок длиной, оборудовать минные поля, протянуть заграждения из колючей проволоки.

Помнил Октябрьский и про отступление в направлении Керчи. Если бы тогда, «в тот раз», Ак-Монайский перешеек, самое узкое место Керченского полуострова, удалось бы перекрыть нормальными укреплениями, то немцы даже не приблизились бы к Керчи. Значит, что? Надейся на лучшее, готовься к худшему – рой окопы и рвы на Ак-Монае, громозди валы, устраивай доты с блиндажами.

Работы – море!

Заехал Филипп и домой. Ну, как домой...

Своя «хата» у него появится лет через двадцать – полдома на Советской. А пока вице-адмирал проживал на казенной квартире.

Дверь он открывал не без волнения. Снова увидеть молодую жену... Это у кого угодно пульс участится!

А переступил порог, окунулся в знакомые запахи, и даже в глазах запекло. Сентиментальный ты стал в свои семьдесят...

Филипп тяжело опустился на венский стул – тот самый, с ободранными ножками.

– Устал?

Женские руки легли Октябрьскому на плечи. Это было до того приятно и успокаивающе, что Филипп даже глаза прикрыл.

– Устал немного. Римка в лагере?

– Ага. А... что?

– Да так, ничего.

– Филя... началось?

– Начнется.

– А Римик?

– Не бойся за своего Римика, в «Артеке» безопасно. Ладно, пойду. Меня не жди, буду в штабе. Пока.

– Пока...

Поздно вечером Октябрьский вернулся в штаб. Штаб гудел.

Возле кабинета командующего уже ждали двое – дивизионный комиссар Кулаков и полковник Намгаладзе, начальник разведотдела.

Пожав руки обоим, Филипп Сергеевич вяло удивился тому, как быстро он привык к чудесному и небывалому.

Ладно, эмоции оставим на потом. Сейчас главное – сосредоточиться на обороне и нападении. Чтобы Римке не пришлось защищать отца, пусть просто гордится...

Ну-ну, осадил коней! Гордиться пока нечем.

– Товарищ командующий! – воскликнул Намгаладзе, не вдаваясь в детали. – Откуда?!

Адмирал покачал головой:

– Пока не могу сказать, Намгаладзе, не имею права. Да ты разве сам не догадываешься?

Дмитрий Багратович помрачнел.

– Докладываю факты, товарищ командующий. Германские транспорты потянулись со всего моря к Румынии. Перебежчик, задержанный моряками Дунайской военной флотилии, упорно твердит: «Германия готовится к скорой войне с СССР». Упорно, понимаете, твердит! А английское радио передает: «В ночь на 22 июня Германия готовится напасть на СССР». Открытый текст. Ситуация...

– И все эти факты очень хорошо складываются, Намгаладзе. Вот что, займитесь-ка вы еще одним важным делом. Надо собрать разведывательный отряд из моряков-добровольцев. Это должны быть и лазутчики, и диверсанты.

– Понял, товарищ командующий. Займусь!

Начальник разведотдела вышел, а Кулаков остался. Обычно его выразительное лицо с темными глазами озаряла улыбка, но в этот день оно хранило напряжение и тревогу.

– Что, Николай Михайлович, – устало спросил Октябрьский, – не по себе?

– Мягко говоря. Неужели правда?

– Ты меня удивляешь. А еще военный человек. Если бы Гитлер не затеял переброску дивизий из Югославии, он бы напал еще в мае. А июнь – крайний срок. Если немцы нападут позже, пусть даже в июле, то они, по своим планам, не успеют осенью захватить Ленинград

и Москву. А у них зимнего обмундирования нет, гитлеровцы надеются нашим воспользоваться.

– Ты веришь этим планам?

– Если будем дураками и трусами, то они обязательно исполнятся, – резко ответил Октябрьский. – Слушай, будь другом, проконтролируй, чтобы все мины с полигона убрали в хранилища. А то выставили напоказ! Чтобы немцам было легче целиться?

– Может, сразу заминировать подходы к ГБ?¹

– Зачем?

– К-как? – растерялся Кулаков. – Согласно положениям...

– Коля, те положения писались совсем для другой войны. В Черном море нет ни одного немецкого корабля и не будет – их Кригсмарине обороняет от английского флота берега Рейха и захваченных территорий, от Франции до Норвегии. Итальянский флот и вовсе заперт теми же англичанами. Так против кого мины ставить? Против румынских полудохлых эсминцев «Реджина Мария» или «Мэрэшти»? Знаешь, это даже не смешно. Конечно, немцы попрут в Крым, но опасаться нам надо не Кригсмарине, а люфтваффе. Вот и представь себе – набросали мы мин у входа в ГБ, оставили три узких прохода, и наши корабли ползут по ним. А тут немецкие «Юнкерсы»! И давай бомбить! А мы даже маневра малого позволить себе не сможем – чуть в сторону, и на собственной мине подорвешься.

– Ну-у... Не знаю.

– Кстати, этой ночью немцы не бомбы будут на нас вываливать, а донные мины.

– Откуда ты знаешь?

– Оттуда, – усмехнулся Филипп.

* * *

Часов в девять вечера Октябрьский приказал перевести флот на повышенную готовность – весь день командиры сбредались на корабли, ругая начальство. Не дали спокойно отдохнуть!

Что делать на палубе в ночь на воскресенье? А дома водка стынет...

Но приказ есть приказ.

В час ночи пришла телеграмма наркома РККФ Кузнецова о той самой готовности, и Кулаков уважительно посмотрел на Октябрьского.

Тот поймал его взгляд, но понял по-своему.

– Скоро уже, – процедил комфлота.

Он подошел к окну. На рейде гасли якорные огни кораблей, зашторивались окна в казармах учебного отряда, в жилых домах.

А створный знак на скале – главный ориентир для входа кораблей в бухту – продолжал светить.

Октябрьский схватил трубку телефона.

– Начальник гарнизона генерал-майор Моргунов слушает, – донесся спокойный голос.

– Почему до сих пор не погашены маячные огни? – резко спросил вице-адмирал. – Это не игра, а реальная оперативная готовность, Петр Алексеевич!

– Есть, товарищ командующий! – Моргунов мигом сменил тон. – Немедленно наведем порядок.

И впрямь, скоро створные огни погасли.

Октябрьский задернул шторы и включил настольную лампу. Папку срочных документов он положил на любимую свою конторку. Оставаясь один, Филипп любил работать стоя.

¹ ГБ – главная база флота.

Правда, сегодня одиночество ему не светит – вызванные по сигналу «Большой сбор», сюда вот-вот сойдутся все.

Первыми явились Елисеев и Борисов, секретарь горкома партии.

Без пятнадцати три комфлота приказал Русакову поднять по боевой тревоге истребители.

Командующий ВВС сильно переживал, трудно это – перестраиваться на военный лад. Но приказ исполнил – самолеты вылетели на запад. «Встречать» непрошенных гостей.

С раздражением захлопнув папку, Октябрьский прошелся по кабинету. Он ждал звонка. И дождался.

Было около трех часов ночи, когда резко зазвонил телефон прямой связи с оперативным дежурным.

– Комфлота Октябрьский слушает.

– Товарищ командующий, наши истребители вступили в бой с группой неизвестных самолетов, приближавшихся со стороны моря!

– Неизвестных?

– Э-э... Передают, что это «Хейнкель-111».

– Сколько сбито?

– Э-э... Два... э-э... бомбардировщика.

– Не «э-э», товарищ Рыбалко, а вражеских бомбардировщика!

– Так точно, товарищ командующий!

Тут же позвонил Жилин:

– Открывать ли огонь по неизвестным самолетам?

– Это немецкие самолеты, товарищ Жилин, и ваша задача – сбивать их к такой-то матери!

– Имейте в виду, вы несете полную ответственность за это приказание! Я записываю его в журнал боевых действий.

– Да хоть на лбу у себя напишите! – повысил голос Филипп. – Но учтите, если не откроете огонь по немецким самолетам, я прикажу расстрелять вас! Действуйте!

– Есть!

В три часа семь минут немецкие бомберы подошли к Севастополю. Прореженные советскими истребителями, они шли крадучись, на небольшой высоте. Лишь три «Хейнкеля» из тех, что взлетели с румынского аэродрома Цицилия, добрались до ГБ.

Вдруг вспыхнули прожектора, яркие синие лучи стали шарить по небу, выхватывая самолеты с раскоряченными свастиками на килях. Хором заговорили зенитные орудия береговых батарей и кораблей – огненные трассы с грохотом прочерчивали небо.

Два самолета загорелись и рухнули, а третий торопливо сбрасывал свой смертоносный груз – серо-зеленые туши магнитных мин спускались на парашютах, напоминая десантников.

Задача у немцев была простая – с помощью донных мин заблокировать корабли флота в бухтах, не дать им выйти в море.

Но пилот так разнервничался из-за атак русских истребителей и огня зениток, что спешил избавиться от мин, облегчиться и удрать. По этой-то причине взрывчатые «подарки» упали не по линии фарватера, а на берег, где взрывались, порой устраивая пожары.

Налет был отбит.

В тринадцать Октябрьский позвонил по ВЧ в Москву.

– Генерал армии Жуков слушает.

– Докладывает командующий Черноморским флотом Октябрьский. На главную базу флота был совершен авианалет – немецкие бомбардировщики сбрасывали мины, с целью

закупорить выход кораблей в море. Силами флотских ВВС и зенитной артиллерии вражеский налет отбит. Попытка удара по кораблям сорвана, в городе есть разрушения.

– Вас понял. Действуйте в том же духе и доложите своему наркому.

Так, по звонку из Севастополя, в Москве узнали, что фашистская Германия начала войну против СССР.

Из «Воспоминаний и размышлений» маршала Г. К. Жукова²:

«Под утро 22 июня нарком С. К. Тимошенко, Н. Ф. Ватутин и я находились в кабинете наркома обороны.

В 3 часа 17 минут мне позвонил по ВЧ командующий Черноморским флотом адмирал Ф. С. Октябрьский и сообщил: «Система ВНОС флота докладывает о подходе со стороны моря большого количества неизвестных самолетов; флот находится в полной боевой готовности. Прошу указаний».

Я спросил адмирала:

– Ваше решение?

– Решение одно: встретить самолеты огнем противовоздушной обороны флота.

Переговорив с С. К. Тимошенко, я ответил Ф. С. Октябрьскому:

– Действуйте и доложите своему наркому...

...В 4 часа я вновь разговаривал с Ф. С. Октябрьским. Он спокойным тоном доложил:

– Вражеский налет отбит. Попытка удара по кораблям сорвана. Но в городе есть разрушения.

Я хотел бы отметить, что Черноморский флот во главе с адмиралом Ф. С. Октябрьским был одним из первых наших объединений, организованно встретивших вражеское нападение».

² Здесь и далее – подлинные воспоминания участников боевых действий. Орфография оригинала сохранена.

Глава 2

Операция «Гром»

1. Крым, Севастополь. 23 июня 1941 года

Командующий флотом вызвал к себе контр-адмирала Фадеева, возглавлявшего охрану водного района главной базы.

– Надо немедленно протралить бухты и фарватеры, – приказал он. – Кто у вас сейчас в дозоре?

– Звено катеров-охотников лейтенанта Глухова.

– Лейтенанта?

– Это опытный командир. Давно плавает. Хорошо его знаю. Еще с той поры, когда был штурманом на крейсере «Коминтерн», а он у меня рулевым.

– Ну что ж, Владимир Георгиевич, пусть Глухов действует. О результатах дозора и траления докладывайте немедленно. Да, и не забудьте передать лейтенанту, что противник сбросил не якорные мины, а донные, магнитные. Такие будут реагировать на прохождение стального корпуса.

– Понял, товарищ командующий.

Несколько мин все же угодило в воду, хоть и вне фарватера. Боевые корабли не трогались с места, потому и не пострадали, хотя в тот раз подорвался эсминец.

Октябрьский усмехнулся. В тот раз...

На его памяти утром 22 июня затонул буксир с плавучим краном, посланный поднять со дна рейда сбитый немецкий самолет. Буксир подорвался на mine.

А в этот раз – нет. Вон он, работает, тянет со дна «Хейнкель» с одним крылом.

Моряки-овровцы³ пеленговали мины еще в воздухе, когда они спускались на парашютах. Если не было видно самолетов, пеленговали всплески на воде при падении мин. Все эти точки обозначались вехами.

В тот же день инженер Брон – мобилизованный как интендант третьего ранга, хотя имел степень кандидата технаук, – изучил разоруженную немецкую мину и нашел способ борьбы с нею.

А в тот раз...

Филипп порадовался, что смотрит в окно, а то адъютант Галковский не понял бы его глуповатой ухмылки. Но было с чего ухмыляться – в тот раз, разбираясь с минным оружием фашистов прямо на глубине, погибло несколько офицеров и талантливых инженеров. А сейчас все они живы-здоровы. Ефременко, Иванов, Лишнеvский...

Комфлота посмотрел на часы. Семь утра.

– Русаков здесь? – он поднял голову над папкой с документами особой срочности.

– Так точно, товарищ командующий, – вытянулся адъютант.

– Давай его сюда.

Командующий ВВС явился и тоже, как адъютант, встал по стойке «смирно» – дюже впечатлились служивые не то что прозорливостью, а решительностью командующего. Отдавать приказы на открытие огня – это было круто. Главное, без оглядки на Москву, не выпрашивая у наркома позволения воевать...

³ От ОВР – охрана водного района.

– Проходи, Василий Андреевич. Долго тебя не задержу. Прежде всего хочу поздравить с успешным началом боевых действий.

Русакову эти слова командующего польстили, но он счел нужным поскромничать:

– Да, немцы понесли потери, но и мои не все вернулись.

– На войне, как на войне! Вот что. Этот авианалет был первым, но не последним. Надо отучать немцев от дурной привычки бросать бомбы, где попало. Короче. Готовьте бомбардировщики к ответному визиту. Необходимо как можно скорее совершить авианалет на Констанцу и Плоешти. Даже не так – на Плоешти и Констанцу. Нефтяные промыслы – это цель номер один. Немецкие танки работают на синтетическом бензине, который вырабатывается из угля, но он не годится для самолетов, им потребен высокооктановый бензин, а его можно получить лишь из нефти. Добыть которую, кроме как в Румынии, ну, еще маленько в Венгрии, немцам просто негде.

– Понятно, товарищ командующий. Сделаем.

– Сделаете так. Нанесете три удара по Констанце: первый – составом тридцать три «ДБ-3» и двадцать семь «СБ», второй – семь «ДБ-3», и третий – девять «ДБ-3», а также удар по Бухаресту составом шесть «СБ». Самолеты 96-й эскадрильи Дунайской флотилии пусть отбомбятся по румынским портам на Дунае. Готовьте самолеты – операцию проведем в ночь на 25-е. А я слетаю в Одессу, договорюсь с командующим Южным фронтом – негоже посылать одни бомберы, им нужно сопровождение истребителей. Нашим не хватит дальности, а вот если взлетать с аэродромов Аккермана или Болграда...

– Это было бы очень желательно!

– Да уж... Нам обещали перегнать эскадрилью «Пе-2», и еще я выбил порядка сотни «ТБ-3».

– Староваты «туберкулезы»... – заметил Русаков. – Тихоходы они.

– Это да, но вам ли не знать, что как раз эта их тихоходность обеспечивает точность бомбометания. А я еще постараюсь подвести к целям наших разведчиков-диверсантов, чтобы они «подсветили» их из ракетниц.

– Отлично! – бодро ответил Русаков и замялся: – А разрешение наркома?..

Октябрьский внимательно посмотрел на командующего ВВС.

– Разрешение бомбить врага, напавшего на нашу родину? – мягко спросил он. – Немцы сбрасывают бомбы на Измаил, Одессу и Крым, румынские мониторы уничтожают наши погранзаставы на Дунае...

Русаков покраснел.

– Ступайте, Василий Андреевич. Будет вам разрешение.

Октябрьский помнил, что «в тот раз» разрешение наркома пришло лишь поздно вечером, но сейчас он не был намерен ждать.

Хотя он понимал генерал-майора. Ведь первая директива из Москвы не предусматривала переноса боевых действий на территорию противника, и его приказ может быть расценен как провокационное самоуправство. Ничего, переживем какнибудь...

Октябрьский улыбнулся. Сейчас он испытывал великолепное чувство свободы и легкости – его душу не сковывал, не угнетал страх. Было такое ощущение, что прежняя боязнь осталась в том будущем, в которое уже не хотелось возвращаться.

Да и чего ему бояться, прожившему семьдесят лет? Самое страшное, что с ним может случиться здесь, – это позор.

Тот самый, который остался в будущем, которое для него стало прошлым. Безумный выверт, но все именно так.

Самое главное, в чем можно признаться лишь себе, кроется в истинной правде – участвовать в неведомом Эксперименте он решил не для того, чтобы изменить ситуацию в Севастополе, а по иной причине – снять с себя вину.

Здесь и сейчас, в Севастополе, в первый день войны, он еще ни в чем не провинился, никого не предал, не совершил ни одной из тех ошибок, за которые потом бывает стыдно. Все впереди.

И вот именно для того, чтобы не повторились послевоенные ад с чистилищем, чтобы не выть, не плакать, он должен будет сделать то, что обязан, – возглавить оборону Севастополя и победить.

Он будет воевать здесь, за ГБ, за Крым, будет драться с немцами. Если Москва поможет ему в этом – хорошо, если нет – обойдемся.

А если будет против, то он ни за что не выйдет из драки. Пусть ему грозят Кузнецов, Берия и Сталин втроем, он не отступится от своего.

Да, надо было дожить до старости, оказаться за неделю до смерти, чтобы понять одну простую вещь: лучше погибнуть, сохранив честь, чем влачить жалкое существование бесчестного дристуна!

* * *

11-я немецкая армия, 3-я и 4-я румынские, входившие в состав группы армий «Юг», наступали по всему фронту. Формально войска, находившиеся на территории Румынии, должны были подчиняться «кондукэтору» Антонеску, но фактически всем рулил командующий 11-й армией генерал-полковник Риттер фон Шоберт, которому румынский диктатор поручил разработку «всех директив и приказов, касающихся совместного ведения войны».

В первые дни Великой Отечественной противник вторгся на территорию СССР в районах Ровно, Львова, Луцка, постоянно бомбил железнодорожные узлы Жмеринка, Казатин, Помошная, города Винницу, Одессу и Севастополь.

«В тот раз» Октябрьский уже в ночь на 23 июня послал самолеты бомбить Констанцу, но толку от этого было мало. Теперь же комфлота намеревался тщательно подготовиться, хоть и в сжатые сроки, и нанести по-настоящему мощный удар.

В этом он надеялся на помощь генерала армии Тюленева, наемни ставшего командующим Южным фронтом. 24-го его поезд прибудет в Винницу, где комфронта ждет плохо подготовленный КП.

В тот же день самолет Октябрьского покинул Севастополь, направляясь в Винницу.

Но до этого Филипп побеспокоился о том, чтобы заслать в тыл врага особую опергруппу «угонщиков». Они должны были угнать с аэродрома Цилистрия немецкий «Фокке-Вульф-189», самолет-разведчик, прозванный красноармейцами «рамой».

Филиппа очень беспокоила необходимость хоть как-то залегендировать свои «прозрения» или «получение разведанных», неизвестно как и от кого. Но если в состав 30-го отдельного разведывательного авиаполка ввести «раму», то многое сразу прояснится, снимет неловкие вопросы.

Откуда узнал? Ну, как же! Наши бравые пилоты слетали в тыл врага на немецкой «раме». Никто на нее, естественно, внимания не обратил – свои же! А «свои», пользуясь случаем, все, что нужно, углядели и даже запечатлели на фото пленке...

* * *

Время было грозное, напряженное. Филиппу было неуютно в тесном «ДБ-3Ф», да еще в качестве борт-стрелка. Зато надежно и быстро.

Пересечься с Тюленевым удалось прямо на КП, где недовольный генерал-майор ругал московское начальство – у комфронта не было линий связи даже со штабами армий, не говоря уже об отдельных дивизиях.

Филипп решительно подошел и представился:

– Командующий Черноморским флотом Октябрьский. Прилетел только что, надо передать ценные разведданные.

Тюленев протянул руку и сказал:

– Иван Владимирович.

Комфлота крепко пожал сухую длань.

– Филипп Сергеевич.

– Пройдемте. Кабинет я пока не обжил, но хоть поговорить можно.

Надо сказать, Октябрьский предусмотрел простой и надежный способ, как расположить к себе Тюленева. И воспользовался им.

– Иван Владимирович, вот тут, – Филипп достал папку из портфеля, – кроки и донесения о расположении немецких и румынских частей по состоянию на вечер вчерашнего дня и утро сегодняшнего. Воздушная и наземная разведки поработали хорошо, все сведения проверены и перепроверены.

– Ну-ка, ну-ка... – оживился Тюленев. – О, как... У немцев нет ни одной танковой и моторизованной дивизии? Это правда?

– Совершенная! На всей линии Южного фронта танковые дивизии не задействованы, 1-я танковая группа Клейста наступает севернее. А общая численность противостоящих вам немецко-румынских войск не превышает двадцати дивизий. Изучая развертывание сил противника, а также ход боевых действий, нетрудно было прийти к выводу, что удар немцы с румынами нанесут на Могилев-Подольский и Бельцы, а общее наступление вражеских войск начнется 1–2 июля. Это подтвердили захваченные нами языки. Выяснилось, что 1 июля противник перейдет в наступление силами до шести дивизий из района южнее Липкан в направлении Могилев-Подольский – это будет вспомогательный удар, а главный удар силой до двух немецких корпусов будет нанесен из района севернее Ясс в направлении Бельц...

Октябрьский блефовал, не испытывая даже легкого опасения, ведь все его данные были верны. Ну, не было никаких «подвигов разведчиков», и что? Информация-то истинная!

Тюленев развернул бурную деятельность, у него забегали все, даже раскормленные генералы. Филипп скромно ждал своей очереди и дождался-таки.

– У меня такое ощущение, – сказал комфронта, ухмыляясь, – что вы не просто так нам помогаете! М-м?

– Так мы ж южане, – отшутился Октябрьский. – Да, Иван Владимирович, я рассчитываю на вашу поддержку. А дело вот в чем. Я планирую операцию под кодовым названием «Гром». Она предполагает массированный авианалет в течение будущей ночи на объекты в Констанце, Плоешти и Бухаресте.

– А вот это правильно! – прищелкнул пальцами Тюленев. – Немцы бомбят наши города, а румыны, коль уж стали их подельниками, пусть отвечают за свое соучастие!

– И я о том же. В течение двух ночей подряд наши подлодки выбрасывают на румынский берег группы разведчиков-диверсантов. Их задача – «подсветить» цели при полете нашей авиации, чтобы обеспечить точность попадания. Особенно это касается Констанцы и Плоешти. Бухарест будем бомбить без подсветки, лишь бы шуму наделать. Покажем им кузькину мать!

На румынскую столицу пошлем «ТБ-3». На Констанцу – «ДБ-3» и «СБ». А вот на Плоешти я могу отправить лишь одну эскадрилью «Пе-2». Но в Одесском военном округе есть еще сорок «пешек», было бы неплохо задействовать и их.

– Задействуем обязательно! – энергично кивнул Тюленев. – Я сейчас же отдам приказ, пусть наши авиаторы плотно повзаимодействуют с флотом.

– И еще...

Комфронта широко улыбнулся.

– И еще, – продолжил Октябрьский. – Мы, к сожалению, не можем обеспечить сопровождение бомбардировщиков – истребители просто не долетят. Но вот если их отправить с ваших аэродромов, даже из Котовска, то их дальности вполне хватит. Мне известно, что под Одессой находятся новейшие «МиГ-3»... Правда, пилотов, обученных летать на этой хорошей, но капризной машине, всего шестьдесят два человека. Думаю, шестидесяти «мигарей» будет достаточно, чтобы прикрыть наши бомбардировщики и над Констанцей, и над Плоешти. Если еще и «ишачков» подбросите, будет совсем хорошо. Конечно, «И-16» не совладеет с «Мессершмиттом», но пока нам противостоят в основном старые «Харрикейны-1» и не более одной эскадрильи «Хейнкелей-112». Справимся.

– Справимся! – кивнул Тюленев. – За работу!

* * *

...Немцы никогда не надеялись на румын, вояки из «мамалыжников» были еще те, поэтому нефтеперерабатывающие заводы в Плоешти охраняли сами, держа под рукой зенитные орудия и «Мессершмитты».

Нефть – это кровь войны, поэтому «черное золото» было воистину драгоценным для Рейха.

Вот его и берегли.

Еще за год до войны поставки нефти в Германию с румынских заводов «Романа Американа», «Стандард Петрол», «Астра Романа», «Конкордия Вега» и прочих составляли чуть ли не две трети всего импорта. А потом, когда Антонеску крепко сдружился с Гитлером, немецкий капитал сколотил компанию «Континенталь Ойл», по сути захватившую нефтепромышленность Румынии.

К июню 1941-го немцы сосредоточили вокруг Плоешти около тридцати зенитных батарей, десяток аэростатов заграждения и полтора десятка зенитных прожекторов. Румыны тоже подсуетились, задействовав порядка шестидесяти истребителей устаревших типов, и тогда гитлеровцы перебросили под Плоешти авиагруппу, которую первой в люфтваффе вооружили новейшими «Мессершмиттами» Me-109 Ф-4.

И все же бомбить надо было.

«Надо, Филя! Надо!»

2. Королевство Румыния, Плоешти. 25 июня 1941 года

Ночь была темной, с высоты ясно виделись огни вдоль улиц Плоешти. Но это был фальшивый город, выстроенный специально для того, чтобы отвлекать внимание советских бомбардировщиков.

Настоящие заводы работали неподалеку.

Сорок девять пикирующих бомбардировщиков «Пе-2», двадцать «арочек» – двухмоторных «Ар-2», и почти сорок «ДБ-3Ф» незаметно подошли к цели, держась на высоте семь тысяч метров.

«Пешки» с «арочками» вел капитан Александр Цурцумия, дерзкий и насмешливый пилот. Его склонность к лихачеству и легкой показухе (должен же мастер получать удовольствие от своего умения!) вполне компенсировалась искусным пилотажем, настоящим лётным талантом.

Напарник и тезка Цурцумия, тоже Александр, капитан Шубиков командовал группой «ДБ-3Ф».

«ДБ-3Ф», прозванные «сигарами», несли по ФАБ-1000, бомбе весом в тонну каждая, «пешки» и «арочки» затарились парой ФАБ-500.

Первыми начали «Петляковы».

– Высота шесть тысяч восемьсот. До цели осталось пять минут.

– Перестроиться для атаки! – командовал капитан Цурцумия. – Провести боевое развертывание! Слушать всем! Звеньям перестроиться в колонну. Атака цели одиночно с пикирования!

– Приготовиться! Начали!

– Расчет данных для бомбометания готов.

– Командир! Вижу ракеты!

Впереди вспыхнули яркие зеленые огни. Они дрожали, бросая мерцающий свет на заводы внизу, на сборища цистерн, на резервуары и прочие промышленные пейзажи.

– Включаю ЭСБР!⁴ Угол пикирования сделаем семьдесят градусов. Слышишь?

– Вас понял, выдержу. Выпускаю тормозные решетки!

– Потеряй еще пятьсот метров! Так! Боевой курс!

– Влево пять! Замри! Пошел!

«Пе-2» плавно сорвался в пике.

– Выводи!

Хлопнули, закрываясь, бомболоуки.

– Цель накрыта!

Внизу разверзлся ад. Там, где недавно падали зеленые звезды, бросая отсветы на заводские корпуса, теперь вздымались огромные облака огня и копоти. Багровое сияние заливало все окрест, выделяя черные ломаные формы.

Лопались нефтехранилища, разливая целые озера оранжево-красного огня, окатывая подъездные пути, и тогда стали взрываться цистерны с бензином – они лопались, распускаясь невиданными огненными цветами.

– Командир! Разрывы справа – пятьдесят метров! А, нет, все! Накрыло зенитки! Ух и полыхнуло!

В атаку пошли «ДБ-3Ф». Мощные «тонки» пробивали заводские корпуса и рвались, вынося все оборудование наружу. Заводам «Орион», «Униреа» и «Астра Романья» пришел конец.

– Внимание, «маленькие»! Опасность справа. Прикройте!

– Прикроем, «большие». Работайте спокойно.

«МиГи» понеслись в пике, выпуская дымные шнуры трассеров. Звено «Хейнкелей», запоздало поднятое по тревоге, стало расходиться, но тут один из немецких истребителей вспыхнул клубком огня, теряясь на фоне колоссального пожара.

– Второй сбит!

– Осторожно, аэростат!

Рыскнувший «Хейнкель» врезался в свой же аэростат, пробивая надутую тушу и падая вместе с ним на пути, где горели и взрывались многие десятки цистерн с нефтью и высокооктановым бензином.

– Маневр влево! Влево!

– Одиннадцатый! Вас атакуют «мессеры»! Маневр!

«МиГ-3» создавались как высотные перехватчики. На высоте в шесть-семь тысяч метров они достигали больших скоростей, и там никакой «Мессершмитт» с ними не справился бы. Но и на малых высотах была управа на немецкие истребители – «мигари» их срезали, разгоняясь в пике.

Вот и на этот раз сработало – четверка «МиГов» уделала пару новейших «Мессершмиттов», немцами прозванных «Фридрихами».

⁴ ЭСБР – электросбрасыватель бомб.

– Внимание! Слушать всем! Отходим!

«Облегчившись», эскадрильи бомбардировщиков поворачивали на обратный курс. Уходили «пешки», уходили «арочки», уходили «сигары».

И лишь тогда среди озер и заливов жидкого огня «проснулись» зенитчики. Лучи прожекторов отчаянно шарили по небу, но ничего, кроме серых туш аэростатов, не находили...

...На следующий день в «Нью-Йорк Таймс» появилась статья, эпически описывавшая налет советской авиации на Плоешти. Были разрушены и повреждены нефтеочистительные заводы, крекинговые установки, железнодорожные пути, и прочая, и прочая. Полностью развалились четыре заводских корпуса, уничтожено более трехсот цистерн с горючим, шестьдесят с лишним нефтебаков, пять складов. Гигантское зарево над заводами в Плоешти висело трое суток...

* * *

...Той же ночью тридцать три «ДБ-3Ф» и двадцать семь «СБ» совершили налет на Констанцу.

Самолеты выходили к базе на высоте пять-семь тысяч метров и с трех с половиной-четыре тысяч сбрасывали бомбы, вываливая их из-за облаков.

Штурманы-бомбардиры целились на огни зеленых ракет, указывавших мишени для бомбометания.

За каких-то десять-пятнадцать минут были уничтожены нефтегавань вместе с парой заправленных танкеров и нефтегородок, разворочены Южный и Восточный молы, перекопаны аэродромы Мамайя и Сюит-Геола.

Отдельная эскадрилья разбомбила трехорудийную батарею «Тирпиц», которую немцы соорудили южнее Констанцы. Имея калибр в 283 миллиметра, пушки этой береговой батареи могли достать корабль на дистанции почти в тридцать восемь километров.

Одной из задач, поставленных Москвой перед Черноморским флотом, был десант на румынский берег. Под обстрелом из орудий батареи «Тирпиц» достижение подобной цели становилось проблематичным.

Теперь проблема была снята.

Горела Констанца, горела Сулина, а потом запылал Бухарест.

Почти восемьдесят тихоходных «ТБ-3» совершили крюк над Черным морем и подобрались к столице Румынии со стороны Болгарии.

Бомбардировщики шли на высоте три с половиной тысячи метров, каждый из них нес по двадцать ЗАБ-50 в бомбоотсеке и по четыре ФАБ-500 под крыльями.

Были атакованы два нефтеперерабатывающих завода, сортировочная станция и северный вокзал. Горело тоже хорошо, но главным эффектом являлся моральный – румыны убедились, что соучастие в войне не останется безнаказанным, а СССР – это рядом, это близко и «ответка» не заставит себя ждать.

Погибло немало мирных жителей, но чем они были лучше тех, что пилоты люфтваффе убивали в Бресте, Гродно, Минске, Одессе?

Разумеется, немецкая пресса тут же в красках описала «кровавые злодеяния большевиков»...

Из воспоминаний капитана 1-го ранга И. Панова:

«...Уже в первый день войны 22 июня 1941 года Октябрьский задумал послать самолеты на бомбежку аэродромов и баз противника. Спустя годы такое решение сочтут обычным. Но в тот день оно не казалось простым. Ведь первая директива из Москвы не предусматривала переноса боевых действий на территорию противника. Конечно, это

должно быть поправлено, однако сейчас может расцениваться как провокационное самоуправство. Тут же память воскрешала скрипучие слова Берия, сказанные минувшей ночью по телефону: за самоуправство последует расплата.

И все-таки надо действовать. Ведь немцы бомбят Измаил, Крым. Румынские мониторы уничтожают наши погранзаставы на Дунае. Чего же ждать? Запросив у наркома ВМФ адмирала Н. Г. Кузнецова разрешения бомбить аэродромы и базы врага, Октябрьский приказал ночью нанести удар по Констанце. Для начала послать туда девятку бомбардировщиков, а затем подготовить массированные удары и по Констанце, и по Плоешти. Там – нефть, а без нее туго придется и кораблям, и танкам фашистов.

Так со второй же военной ночи авиация флота стала наносить удары по базам, военным и промышленным объектам врага. Горели нефтехранилища в Констанце и Плоешти, откуда гитлеровская коалиция получала половину всего необходимого для нужд войны горючего; или ко дну готовые к отправке танкеры и транспорты, взрывались поезда с нефтестернами. Рухнул в Дунай вместе с нефтепроводом пролет Чернаводского моста...

Легко сказать, бомбить Чернаводский мост. Мало того, что он имеет сильную противоздушную оборону, туда еще надо долететь. Но, отдавая боевой приказ, Октябрьский имел представление, как он будет выполняться. Он вник во все детали операции. К шести тяжелым бомбардировщикам вместо бомб подвешат истребители и доставят их к месту. Истребители нанесут удар с малых высот, а шесть «Пе-2» будут бомбить с пикирования...»

Глава 3 Набег на Констанцу

Королевство Румыния, Добруджа. 25 июня 1941 года

Вернувшись под вечер в Севастополь, Октябрьский тут же направился на новый КП, оборудованный в подземной АТС, что на Телефонной пристани. Но задерживаться тут он не стал.

Было бы очень желательно использовать ту панику и хаос, которые воцарятся в Румынии уже этой ночью, и потревожить «мамалыжников» с моря.

Ровно в 20.0 °Севастополь покинула ударная группа в составе линкора «Парижская коммуна», крейсеров «Ворошилов» и «Молотов», лидеров «Харьков» и «Москва», эсминцев «Смышленный», «Сообразительный» и «Сердитый», а также нескольких подлодок типа «Щука» и целой «стаи» тральщиков типа «Фугас» – «Трал», «Минреп», «Груз», «Щит», «Взрыватель» и «Якорь».

Октябрьский не случайно взял с собой эсминцы именно из 3-го дивизиона. Как раз их первыми подвергли переделке – сняли ненужные для Черноморского ТВД торпедные аппараты и поставили на их место зенитные орудия и ДШК. Работы шли круглосуточно, без перерыва, зато хоть три эсминца были надежно защищены с воздуха и могли прикрыть соседние корабли, еще не подвергшиеся перестройке по части ПВО.

Отойдя к югу, пока берег не потерялся из виду, эскадра повернула на запад и двинулась ходом в восемнадцать узлов.

* * *

...В принципе румыны даже не собирались использовать свой флот в войне с СССР. Самыми мощными его кораблями являлись четыре эсминца и единственная подлодка «Дельфинул» примерно того же класса, что и советская «Щука».

Причем два эсминца – «Мырешти» и «Мырешести» – были спущены на воду сразу после Первой мировой. А вот два других эсминца, тоже построенных в Италии – «Реджеле Фердинанд» и «Реджина Мария», – были и поновее, и помощнее, вооруженные 120-миллиметровыми орудиями «Бофорс».

Забавно, что румыны так гордились своими эсминцами, что считали их «тузами» – так и рисовали на борту. «Мырешести» был трефовым тузом, «Мырешти» – бубновым, «Реджеле Фердинанд» – червовым, а «Реджина Мария» – тузом пик.

Были у румынского флота и мониторы, курсировавшие по Дунаю, и канонерки, и торпедоносцы, но вся эта плавучая мелочь не стоила звания военно-морских сил. Скорее уж силенок.

Основной защитой берегов «Великой Румынии» служили артиллерийские батареи и минные поля. В Констанцкий дивизион береговой обороны входили батареи «Мирча», «Тудор», «Михай», «Елизавета» и «Аурора». Вооружены они были 152-миллиметровыми пушками Канэ или старыми 170-миллиметровыми германскими пушками, снятыми со списанных броненосцев. Дальность стрельбы береговых батарей Констанцы не превышала 11–18 километров.

Можно сказать, рейд был военной операцией лишь частично, являясь больше политическим актом, демонстрацией силы.

На рассвете 25 июня ударная группа оказалась в виду румынских берегов. Октябрьский вышел на мостик линкора, вспоминая, как когда-то отправил в эти места оба лидера эсминцев, решив побережь крейсера.

Но что могли сделать 130-миллиметровые орудия «Харькова» и «Москвы» с береговыми батареями? В каждом их снаряде содержалось меньше трех кило тротила – много они вреда принесут? К тому же лидеры открывали огонь, находясь в зоне досягаемости тех самых батарей и практически на краю минных заграждений.

В итоге «Москву» тогда накрыло огнем с батареи «Тирпиц», а потом лидер затонул, торпедированный своей же «Щукой», посланной к румынскому берегу. Экипаж подлодки забыли предупредить о набеговой операции флота...

В общем, особого смысла в пальбе с лидеров не имелось.

Зато восемнадцать пушек крейсеров калибром 180 мм доставали на 37 километров, и в каждый фугас было набито почти восемь кило тротила. Есть же разница?

«Молотов» с «Ворошиловым» могли стрелять по батареям с безопасной дистанции, не подвергая себя опасности подорваться на mine.

А теперь свое веское слово скажет главный калибр «Парижской коммуны» – двенадцать 305-миллиметровых орудий закинут «чемоданы» весом чуть ли не в полтонны за сорок с лишним километров! То-то будет шуму.

Октябрьский с легкой улыбкой огляделся, снова радуясь возвращению в прошлое – все стыдное и позорное, что случилось «в тот раз», памятно лишь ему одному. Сегодня 25 июня 1941 года, и грызть ему себя не за что – ошибки (да и то не его) либо исправляются, либо не допускаются. Надо только и впредь следить за собой, помнить, что случилось «в тот раз», и, как говорится, не менять курс.

Филипп погладил теплый борт. «Парижская коммуна» ему нравилась. И будет нравиться еще больше два года спустя, когда линкору вернут имя, данное при рождении, – «Севастополь».

Нынешнее название – ни к селу ни к городу, но всему свое время.

Три года назад корабль прошел модернизацию и стал красавцем – ему изменили носовую часть, убрав слабо выпяченный шпирон, из-за чего все броненосцы походили на римские триремы.

Двадцать пять старых паровых котлов заменили на двенадцать новых мазутных, предназначенных для линейных крейсеров класса «Измаил», удалили подводные торпедные аппараты, зато приделали противоторпедные були, утолстили крыши башен и броню средней палубы. Из-за новых надстроек передняя дымовая труба получила скос назад, а это придало линкору изящество яхты.

Тогда же установили шесть 76-миллиметровых зенитных пушек на носовой и кормовой башнях. А за трое минувших суток умельцы довели число 37-миллиметровых зениток-автоматов с двенадцати до шестнадцати⁵, разместив к тому же целый десяток зенитных 85-миллиметровых орудий.

Правда, «в тот раз» линкор не пострадал ни от бомбежек, ни от батарейного огня, так ведь «Парижская коммуна» и не воевала почти...

На мостик вышел капитан 1-го ранга Кравченко, командир корабля.

– Товарищ командующий, – обратился он, – до берега сто сорок кабельтовых⁶. Ближе подходить опасно – мины.

Октябрьский кивнул.

⁵ В нашей реальности это было проделано с апреля по июль 1942 года.

⁶ Около двадцати шести километров.

– Пошлите вперед тральщики, Федор Иванович, на всякий случай. Да, и прикажите от моего имени никому не приближаться к берегу. Где мы, примерно?

– На траверзе батареи «Тирпиц».

– Молчит?

– Глухо! – рассмеялся Кравченко. – Летуны разделали их, как хотели! «Амбарчик»⁷ пролетал час назад, сделал фото – все горит!

– Так им и надо, воякам. Ну, что? Действуем по плану. Приказаний не ждите, открывайте огонь, как только окажетесь на месте.

– Есть!

Октябрьский повернулся в сторону запада. Там стояла темень.

Благо на востоке занималась заря, и ее скудный свет хоть как-то разбавлял ночную черноту.

Филипп вздохнул.

Он утратил прежние страхи, обрел душевный покой, заряжавший его стойкостью, но то, что было им задумано, пугало.

В принципе, дальнейшее развитие событий могло пойти по нескольким вариантам. Самый простой из них заключался в избавлении от грубых просчетов, допущенных «в тот раз». Такой, «правленный» вариант нес в себе определенный позитив – улучшалось положение Красной армии и флота, сохранялись жизни бойцов, немцам больше доставалось.

При этом никаких резких перемен к лучшему не происходило.

Но тогда зачем он здесь? К чему этот фантастический вояж в 41-й, «из себя в себя»? Смысл какой угодить снова на войну и даже не попытаться ничего изменить, лишь исправить собственные ошибки? Безусловно, лично ему будет комфортно, а остальные как?

Для чего он тут? Чтобы себя, любимого, потешить, самооценку поднять, добиться уважения окружающих, прежде всего – простых солдат и матросов?

Но ведь ему одному известно, что станет в близком будущем, он единственный, кто способен хотя бы подсказать пути выхода из ситуации, которая еще не сложилась (как «котел» под Уманью), но уже несет все признаки прямой и явной угрозы?

Получается, что он занял позицию «моя хата с краю, ничего не знаю»? Дескать, работу над ошибками я провел, а с прочими сами майтесь? А не выглядит ли это как трусость?

Да-да, Филипп Сергеевич! Трусость!

Ты боишься брать на себя ответственность за большие перемены, поскольку не знаешь, к добру они или к худу. Но так же тоже нельзя!

Нельзя замыкаться на одном Севастополе, как твоему трясущемуся нутру хотелось бы. Нужно обо всем Крыме думать, об Одессе. О Советском Союзе.

Ты же можешь, реально способен помочь своей стране, так чего ж ты?

Комфлота опять вздохнул. Страшно...

Ну, это ничего. Страха только дурак не испытывает. Страх мобилизует, тут лишь бы не идти у него на поводу, а подчинять эмоцию себе.

Октябрьский покусал губу. Корабли шли на север. Скоро по левому борту окажется Констанца, и начнется огневой налет.

А что дальше?

Ну, уничтожат они береговые батареи, и авиация им в этом поможет. А дальше-то что?

Ладно, хватит рефлексировать и переживать! Чего он хочет?

Напасть на Румынию.

Уничтожить береговые батареи, чтобы высадить в Констанце десант и занять плацдарм.

⁷ Ласковое название гидроплана «МБР-2».

Тральщики очистят проходы от мин, транспорты высадят морскую пехоту, а «ТБ-3» сбросят парашютистов.

Вообще-то говоря, именно такая оперативно-стратегическая цель ставилась перед войсками Южного фронта – привлечь воздушно-десантные части и силы морского десанта и, поддержав их наступлением танков и мотопехоты с фронта, захватить нефтяные поля в Плоешти.

В качестве морской пехоты предполагалось использовать 7-й стрелковый корпус, который интенсивно готовился, занимался посадкой-высадкой с десантных судов под прикрытием авиации и Оперативной группы кораблей поддержки Черноморского флота.

Нынче 7-й корпус в составе войск Южного фронта, под командованием Тюленева... Договариваться надо. Или не надо?

«Надо, Филя! Надо!»

* * *

«Пушкари» протопали по палубе, разбегаясь по башням.

Октябрьский был лишним – пусть Кравченко сам командует. И направился в ближайшую орудийную башню.

Матрос, уже готовившийся захлопнуть толстую броневую дверцу, вытянулся.

– Поприсутствую, – улыбнулся комфлота, проникая в башню.

– К бою – товсь! – раздалась команда.

– По местам стоять – к бою!

– Есть готовность!

Филипп почувствовал возбуждение. По башне разносился гул механизмов, из подбашенных отделений поднимались запахи смазки и порохов.

– Подавай! – крикнул командир башни.

Под глухой вой моторов и лязг элеватора показался снаряд.

– Заряжай!

Раскрылся казенник, втянул в себя боеприпас. Рычаги приборников додали его.

– Клади! Заряды подавай!

– Заряды поданы!

Шелковые картузы с порохом ушли следом за снарядами.

– Клади! Закрой!

Лязгнули затворы.

– Товарищ старший лейтенант! Башня к открытию огня готова!

Командир обернулся к Октябрьскому. Тот мотнул головой:

– Вы тут командуете.

– От башни прочь! Башня влево!

– Целик двадцать вправо! Поправка...

Пугающе взвыл ревун.

– Отскочи! Залп!

Весь мир шатнулся, сотрясаемый ужасным грохотом. Филипп открыл рот и затряс головой.

Открывшиеся замки напустили в башню синей гари, вентиляторы взвыли, утягивая душный чад.

– Товарищ лейтенант! – крикнул Октябрьский. – Свяжитесь с мостиком. В сторону берега вылетел «амбарчик», он должен сообщить о результатах!

– Есть, товарищ командующий!

Командир башни схватился за телефон и вскоре обернулся, скаля белые зубы.

- Накрытие, товарищ командующий!
- Так держать, товарищ старший лейтенант.
- Есть так держать!

Огонь главного калибра линкора и орудий крейсеров оказал свое разрушительное действие, доканывая те батареи, которые еще уцелели после бомбардировок. Пилоты с «МБР-2» корректировали огневой налет.

Филипп перебрался на мостик после того, как скомандовали «дробь», и башни плавно развернулись, вытягивая орудия в диаметральной плоскости.

К этому времени рассвело. Берег виден не был, но столбы черного дыма по кривой уходили к небу, обозначая пораженные цели.

Неожиданно раздался крик:

- Корабли прямо по курсу!

Кравченко тут же поднял бинокль, и его губы дрогнули, растягиваясь в улыбке.

- Эсминцы румынские пожаловали! Два эсминца и канонерка.

Октябрьский спокойно скомандовал:

- Потопить.

- Есть!

Первыми открыли огонь комендоры с крейсера «Ворошилов». Два снаряда разорвались с недолетом, поднимая столбы пенной воды, зато залп одной из башен оказался удачен – прямо в борт эсминца, командир которого не придумал ничего лучшего, чем развернуться.

Видимо, хотел драпать обратно, откуда шел, да не успел, поймал «гостинцы» бортом.

На месте сбитой задней трубы вспуhalo облако черного дыма, в борту зияла огромная дыра, из которой вырывалось пламя.

Эсминец стоял, как в тире, оставалось только стрелять. Еще два снаряда угодили ему в корму, лишая хода.

– Это «Реджеле Фердинанд», – сказал командир линкора. – Или «Реджина Мария»... Стоп! На носу туз пик! Это «Реджина Мария»!

Эсминец прямо на глазах стал крениться на левый борт, одновременно погружаясь в воду кормой. Вот над волнами показалась вся носовая часть, оголился форштевень, с которого сбегала вода. Замерев над морем, как поплавок, «Реджина Мария» отвесно ушла на дно.

А вот «Реджеле Фердинанд» принял бой. Октябрьский даже зауважал его команду – эсминец не мог победить, он шел к гибели, но упорно палил из своих орудий по эскадре. «Контрольные выстрелы» сделал «Сообразительный», выпустив снаряды почти в упор.

Румыны с эсминца были так увлечены перестрелкой с «Ворошиловым», что не обращали внимания на более мелкие посудины.

Снаряды попали удачно – гора пены выросла под бортом у «Реджеле Фердинанда», заваливая эсминец. Он с трудом выровнялся, но лишь для того, чтобы почти развалиться надвое.

Канонерская лодка с пышным названием «Сублокотенент Гикулеску» мигом подняла белый флаг.

– Поздравляю, Федор Иванович, – сказал Октябрьский. – Продолжайте в том же духе, а мне вызовите «амбарчик». Пора в Севастополь, буду договариваться с Москвой и Винницей...

- Чтобы взять Констанцу? – ухмыльнулся Кравченко.

- А как вы на это смотрите?

- Положительно! Кстати, «Амбар» на подлете.

Двадцатью минутами позже комфлота вылетел в Севастополь.

Ю. Токарев:

«Вечером 25 июня 1941 года ударная группа кораблей ЧФ вышла из Севастополя. Переход к району боевых действий прошел без помех. В 5 часов утра лидеры легли на боевой курс и с дистанции 130 кабельтовых открыли огонь по нефтехранилищам в порту Констанца.

Силуэты кораблей ударной группы очень четко вырисовывались на светлом фоне горизонта, и вскоре ответным огнем немецкой береговой 280-мм батареи «Тирпиц» был накрыт шедший головным лидер «Москва», а у «Харькова» от близких разрывов снарядов были повреждены котлы, из-за чего ход корабля снизился до шести узлов. По сигналу командира группы корабли, прикрываясь дымовой завесой, начали отход. И в это время в левый борт котельного отделения «Москвы» попадает торпеда, выпущенная советской подводной лодкой «Щ-206».

...Командир подлодки «Щ-206» капитан Каракай с первого дня войны нес патрульную службу в заданном районе, однако командование не сообщило ему о предстоящей операции своего надводного флота. Каракай принял «Москву» за румынский эсминец «Реджина Мария», очень похожий своим силуэтом на советский лидер, и нанес ему смертельный удар.

В результате взрыва «Москва» разломилась на две части и быстро пошла ко дну. Однако на этом Каракай не остановился, а пошел в новую атаку, уже на «Харьков». «Щ-206» выпустила две торпеды, но лидер от них сумел отклониться. Тем временем подошел эсминец «Сообразительный», и его командир А. Ворков проявил себя в этой ситуации с самой безупречной стороны. Эсминец атаковал, как он полагал, вражескую лодку, пройдя над местом залпа, и сбросил две серии глубинных бомб. После их разрыва на поверхности появились пятна мазута. Через несколько минут рядом с эминцем на короткое время всплыла и быстро погрузилась корма и часть рубки советской подводной лодки «Щ-206». Это видно было и с «Сообразительного», и с «Харькова».

Лодка быстро затонула, а оба корабля легли на обратный курс».

Глава 4

Разговор с вождем

Крым, Севастополь. 26 июня 1941 года

Море невинно голубело, так и звало окунуться – самый сезон для купальщиков и фруктоедов. Черешня уже отходит, зато абрикосы поспели и шелковица. Персики, опять-таки.

Октябрьский вздохнул только, глядя в иллюминатор на голубой простор. Война...

А вот и знакомые очертания фортов, белые дома на склонах прожаренных солнцем гор, серые длиннотелые корабли в бухтах.

Севастополь.

Посадка прошла идеально. «МБР-2» машиной был отличной, хотя и устаревшей. Портило его и то, что делали гидросамолет из дерева – приходилось выкатывать машину на берег и обкладывать мешками с подогретым на огне песком, чтобы сох. «Амбарчик»...

К пристани уже неслась черная «эмка», спеша доставить командующего на КП.

– Здравия желаю, товарищ командующий! – бойко поздоровался водитель в форме сержанта.

– И вам не хворать, – улыбнулся Филипп, забираясь на заднее сиденье. – Что нового?

– Да все по-прежнему! Даже самолеты немецкие не залетали ночью. Вчера, главное, отметились, два «Хейнкеля» флотские сбили, а сегодня – тишина! А по секрету чего сказать, товарищ командующий?

– Говори.

– На рассвете наш самолет сел в Сарабузе⁸. Все вроде как в тайне держали, чтобы немцы не проведали. Мне Васька рассказал, он «ЗИС» водит. Говорит, командующий Южным фронтом прилетел!

– Тюленев? – оживился Октябрьский. – Это хорошо! А то я сам уже собирался к нему...

Машина подъехала к КП, и вице-адмирал поспешил на встречу.

Намгаладзе сам попался ему в коридоре бункера.

– Как наши «угонщики»?

– Все получилось, товарищ командующий! – радостно ответил начальник разведотдела. – Говорят, никто даже не заметил. Наши открыто вышли к «Фокке-Вульф», сели в кабину и взлетели. А приземлились на аэродроме в Аккермане!

– Замечательно, просто замечательно! Они уже вылетали на разведку?

– Да, товарищ командующий, я только что готовил вам доклад! «Угонщики» совершили полеты по вашему приказу.

– Замечательно! Жду.

Шагая по коридору, кивая и козыряя встречным, Филипп издали услышал громкий голос генерала армии:

– Бомбанули так бомбанули! Все Плоешти горма горит! Теперь до осени немцы будут все заново делать. А мы опять заявимся!

– Здравия желаю, Иван Владимирович, – сказал Филипп, входя в свой кабинет.

К нему обернулись трое – сам Тюленев, Кулаков и Елисеев.

– О-о! – вскричал комфронта. – Уже наслышаны! Половину флота потопил у румын! А, Филипп Сергеевич?

⁸ Аэродром севернее Симферополя, после 1945 года – Гвардейское.

– Это не я, – отмахнулся Октябрьский, – это Филипп Савельевича⁹ заслуга и его комендоров. Они потопили первый эсминец, а старлей Ворков¹⁰ добил второй.

– Ладно, ладно! Не прибедняйтесь!

Тюленев посерьезнел и сказал:

– Огромное вам спасибо, Филипп Сергеевич, за разведанные. Они нам очень помогли, мы распределили силы так, что немцам с румынами влупили по первое число и с минимальными для нас потерями.

– Очень рад, – улыбнулся комфлота. – Я и вашему прилету обрадовался, Иван Владимирович. Хотел уже сам к вам вылететь сегодня.

– Могу угадать, – энергично сказал Тюленев. – Это касается Констанцы?

– И вашего 7-го корпуса. Флот сможет лишь обеспечить захват плацдарма, а вот удержать его... Сами понимаете.

– Понимаю, понимаю... – нахмурился комфронта. – В принципе это возможно. Но такие вопросы решаю не я, и не здесь, а там, – он ткнул пальцем вверх.

В это время зазвенел телефон ВЧ. Кулаков был ближе всего к аппарату и поднял трубку:

– Алло?

В следующее мгновение он встал во фрунт и ответил по-строевому:

– Да, товарищ Сталин!

И комиссар протянул трубку Филиппу.

– Вице-адмирал Октябрьский слушает.

– Сталин говорит, – послышался глуховатый голос.

– Здравия желаю, товарищ Сталин.

– Товарищ Октябрьский, к нам поступили сведения от верных людей, что вы отказываетесь минировать подходы к Севастополю, Одессе и прочим портам.

– Так точно, товарищ Сталин, поскольку такое минирование стало бы настоящим вредительством и было бы на руку немцам. Мы бы обязательно теряли гражданские суда и боевые корабли, подорванные на своих же минах. При этом корабли флота лишались бы всякого маневра при заходе в порты. Согласно положению, вход на главную базу в Севастополе должен был проходить по трем узким коридорам. И если во время захода начнется бомбежка, корабли не смогут уклониться, потому как сразу же напорются на мины. Ну, и самое главное, товарищ Сталин: от кого нам защищать порты? Те старые документы, на которые ссылаются «верные люди», предполагали защиту от британского флота. Ныне Севастополю могут угрожать флоты германский и итальянский, но их нет в Черном море! Нет и не будет. Сейчас итальянцы бьются с англичанами и терпят поражение, а немцы обороняют от того же британского флота и свои собственные берега, и захваченные, от Испании до Норвегии. В будущем же, когда Красная армия перейдет в наступление, немцам тем более станет не до того, чтобы слать в Черное море корабли. Пока Турция соблюдает нейтралитет, нам противостоит лишь один флот – румынский, вся сила которого заключалась в четырех эсминцах, двух старых и двух новых.

– Заключалась?

– Да, товарищ Сталин. Сегодня мы потопили два румынских эсминца, причем как раз новых. Вообще, если позволите, мне как военному совершенно непонятна боязнь нашего Генштаба. Откуда такие страхи перед морским десантом немцев или итальянцев? Да никакой высадки сил вермахта в Крыму или на Кавказе не может произойти в принципе! Нет у немцев таких возможностей. А мы отвлекаем семнадцать дивизий на оборону Крыма и

⁹ Ф. С. Марков, капитан 1-го ранга, командир крейсера «Ворошилов».

¹⁰ С. С. Ворков – командир эсминца «Сообразительный».

Кавказа от химеры! Да лучше укрепите этими дивизиями тот же Южный и Юго-Западный фронты, чтобы немцы не вышли к Днепру! Простите, товарищ Сталин, не сдержался...

– Ничего. Вы сказали: «Когда Красная армия перейдет в наступление...» Вы верите в нашу окончательную победу, товарищ Октябрьский?

Филипп уловил, что тон вождя потеплел.

– Простите, товарищ Сталин, но здесь не вопрос веры. Здесь точное знание. Мы отступаем не потому, что слабы, а из-за недостатка боевого опыта. Ничего, благодаря немцам мы его быстро накопим! И я очень надеюсь, что Красный флот тоже не будет отстаиваться на базах, а даст бой.

– Доложите обстановку, товарищ Октябрьский.

– Немцы совершили несколько авианалетов на Севастополь, Одессу и Николаев. Есть жертвы и разрушения, но и люфтваффе понесла урон. Гитлеровцы пытались заминировать выход из бухты главной базы флота, но мы отбили атаки, а те донные магнитные мины, которые немцы все же успели сбросить, мы научились разоружать. Сейчас эти трофеи хранятся отдельно, в случае необходимости мы их используем против самих немцев. Авиация флота совместно с самолетами Одесского военного округа совершила налет на нефтепромыслы Плоешти. Эта операция, которую мы называли «Гром», была быстро, но неплохо спланирована. Благодаря четкому взаимодействию между Южным фронтом и Черноморским флотом нам удалось отбомбиться по Плоешти, Констанце и Бухаресту практически без потерь, а вот немцы с румынами, простите за грубость, огребли по полной.

– Грубость в отношении врага уместна, товарищ Октябрьский.

– Согласен, товарищ Сталин. Сегодняшней ночью ударная группа флота вышла в наступательную операцию на Констанцу. В ходе бомбардировок с воздуха и обстрела с моря нам удалось подавить береговые батареи. В самом скором времени мы будем готовы к тралению минных заграждений у побережья Румынии и высадке десанта. Захват плацдарма позволит нам добиться стратегической цели – наступлению на Плоешти, чтобы лишить немцев тамошней нефти. Однако ни я, ни товарищ Тюленев не можем продолжать войну на чужой территории без одобрения Верховного главнокомандующего...

– Товарищ Октябрьский, вы уверены, что сможете добиться поставленной цели?

– Товарищ Сталин, у меня нет уверенности в том, что мы сможем занять нефтепромыслы Плоешти – их сторожит целая немецкая армия. И, если появится угроза их захвата, гитлеровцы тут же перебросят подкрепления. Но как раз на этом я и строю свой расчет – оттянуть на себя дивизии с фронта. По старому плану, с которым я, в принципе, согласен, удерживать плацдарм в Констанце будут части, сформированные из моряков-добровольцев, но основная ответственность ляжет на 7-й стрелковый корпус. Переброска морской пехоты ослабит Южный фронт, но и силы противника резко уменьшатся. Предполагаю, что немецкое командование, которое заправляет румынскими вооруженными силами, перебросит под Констанцу с Южного фронта части 3-й и 4-й румынских армий, и тогда там останется всего лишь одна 11-я армия вермахта. Армия сильная, но не способная наступать по всей линии фронта. Что произойдет в дальнейшем, определенно сказать нельзя. Как вариант, можно представить себе, что немцы перебросят на Дунай подкрепления, выделив их либо из 17-й армии вермахта, либо из 1-й танковой группы Клейста. Это ослабит напор группы армий «Юг» на главном направлении, а мы под Констанцей свяжем боем перебросенную группировку. Если, конечно, мы не бросим наращивание сил десанта и поддержку флота.

– Хорошо, товарищ Октябрьский, действуйте. Считайте, что Ставка дает вам добро. Наркома Кузнецова мы поставим в известность, и комфронта Тюленева тоже.

– Командующий Южным фронтом находится рядом со мной, товарищ Сталин.

– Замечательно, тем проще вам будет договориться о взаимодействии. Мы надеемся на вас, товарищ Октябрьский. До свиданья.

– До свиданья, товарищ Сталин.

Филипп положил трубку и обернулся к остальным, с тревожным ожиданием глядевших на него.

– Верховный главнокомандующий дает добро! – ухмыльнулся Октябрьский.

Эти слова сработали как выключатель лампочки: лица присутствующих (и заглядывающих в дверь) осветились улыбками.

Из воспоминаний пилота люфтваффе А. Дикфельда:

«Ночь принесла покой всем, кроме летчиков. Еще затемно мы вновь запрыгнули в кабины своих машин. Нас ожидала магическая сцена восхода. На горизонте неожиданно появился огромный диск солнца и ярко осветил местность. Когда поступила команда взлетать и вступить в бой, большинство находилось под впечатлением грандиозного зрелища. Никаких заминок не было, и самолеты стремительно покидали пыльное поле аэродрома Мамайя.

«Русские бомбардировщики приближаются к Констанце!» – сообщил по радиации командир отряда капитан Э. Баксилла.

Он летел впереди и несколько выше остальных. Вскоре мы набрали 4000 м и догнали ведущего. Я впервые близко увидел русские самолеты. Несколько эскадрилий двухмоторных бомбардировщиков (без прикрытия) быстро приближались к нам со стороны утреннего солнца. Они были выкрашены в зеленый цвет и имели огромные красные звезды на крыльях и стабилизаторах.

Противник шел плотным строем, готовясь атаковать порт Констанцу.

«Приготовиться к атаке», – прозвучал в эфире приказ.

Отряд занял выгодную позицию для того, чтобы открыть огонь. Я проверил работу прицела, снял оружие с предохранителя и первым приблизился к замыкающему строй бомбардировщику. Последовал короткий залп из всех бортовых точек по этой машине – она... вспыхнула и покинула место в строю.

Прямоугольные купола парашютов немедленно открылись, и экипаж понесся к воде. Я выполнил вторую атаку, после чего вспыхнул еще один бомбардировщик.

Кругом творился настоящий хаос. «Мессеримитты» носились вокруг русских бомбардировщиков. Последние один за другим стремительно падали в море. Воздух был насыщен падающими бомбами и раскрывающимися парашютами. Только теперь я заметил, что русские боевые корабли также атакуют крепость Констанцы.

Они, ничего не подозревая, шли прямым ходом на румынское минное поле, и вскоре один из них попал прямо в ад. Когда сильный толчок потряс мой самолет, я подумал, что это было эхо взрыва на борту крупного корабля...»

Глава 5 Плацдарм

Королевство Румыния, Добруджа. 26 июня 1941 года

В тот же день, ближе к обеду, Октябрьский отдал приказ о начале траления – мины на подходе к Констанце стояли не то чтобы густо, но взрывчатых сюрпризов хватало.

И тральщики принялись за дело. Их «старшие братья» не давали младших в обиду, продолжая гроыхать главными калибрами.

Хотя интенсивность огня ослабла – корабельные орудия просто не давали супу остыть в горшке, не позволяли поправить дела на батареях.

Заодно, как бы мимоходом, лидеры «Москва» и «Харьков» пустили на дно транспорты «Peles» и «Karpatu» плюс итальянский танкер «Superga».

А в Севастополе готовился десант.

Специальных десантных кораблей не существовало, зато в составе флота числились старые, но все еще справные «Эльпидифоры» – вооруженные пароходы, которые еще в Первую мировую использовались для высадки пехоты на берег.

Их было четыре – «Красная Армения», «Красная Грузия», «Красная Абхазия» и «Красный Аджаристан».

А уж найти добровольцев оказалось не трудно – матросы соглашались воевать на сухопутье, но лишь с одним условием: оставив при себе тельняшки, бескозырки да бушлаты.

Разумеется, условие было принято.

Кроме «Эльпидифоров», числившихся как канонерские лодки, в десант шли санитарный транспорт «Сванетия», военные транспорты «Красная Кубань», «Островский», «Курск» и «Большевик», танкер «Кремль» и плавбаза «Волга» (бывший испанский лайнер «Хуан Себастьян Элькано»).

В охранении шли крейсер «Красный Кавказ» (изо всех «старых» крейсеров ЧФ именно на нем были установлены мощные 180-миллиметровые орудия вместо 130-миллиметровых), лидер «Ташкент», эсминцы 2-го дивизиона.

Октябрьский снова был в деле, подняв на «Красном Кавказе» флаг командующего флотом. Да и то сказать, ведь он уже брал Констанцу «в тот раз»! В августе 44-го...

Шли весь вечер и всю ночь, выдерживая скорость в четырнадцать узлов, а утром вышли в расположение ударной группы флота.

Широкий проход к берегу был очищен от мин, и «Эльпидифоры» первыми подошли, носами вклиниваясь в песчаный пляж. 1-й батальон морской пехоты под командованием капитана Бондаря сошел на берег.

В то же самое время гидросамолеты «МТБ-2» и «МДР-6» приводнились на озере Зюджал близ Констанцы, высадив посадочный десант.

Морпехи сразу пошли в атаку, и румыны, услышав клич «Полундра!», ошалели. Те, кто выжил, всю оставшуюся жизнь вздрагивали при виде мужчин в черном.

Эсминцы «Сердитый» и «Смышленный» первыми ворвались в гавань. Трофейный старый «Мирэшти» не стали, расстреляли его в упор. Несколько канонерок попытались было открыть ответный огонь, но внушительный силуэт линкора в море убавил их прыть.

Десантники с ходу захватили военно-морской штаб и еще парочку стратегических объектов, после чего в городе начался тотальный драп.

Гражданских никто не останавливал, да и военных, впрочем, тоже, а над Констанцей развернулись, заполоскали красные флаги.

Констанца – город не слишком большой, но красивый и древний. Еще во времена скифов здесь стоял эллинский полис, известный как Томис, тот самый, куда гораздо позже сослал Овидия.

Город помнил и базиликов Византии, и султанов Османской империи.

Правда, роскошный дворец у самого синего моря оказался зданием казино, а при ближайшем рассмотрении экзотичный, «атмосферный» город, где сошлись Запад и Восток, представился грязной дырой...

Разрушать да бомбить весь этот блеск и нищету, запечатленную в камне и кирпиче, Октябрьский не собирался. Да и передний край должен был пройти не здесь, а гораздо западней – по правому берегу Дуная, отрезавшему всю Добруджу¹¹.

Если посмотреть на карту, то Румыния напоминает толстый кувшин. Так вот, горлышко этого кувшина, выходящее к морю, и есть Добруджа. На севере этого района разливается дунайская дельта – сплошные плавни, болота, озера, протоки и лагуны. Не пройти, не проехать. А на западе протекает широченный Дунай, устремляясь с юга на север, отделяя приморскую Добруджу от остальной Румынии.

Если закрепить на этих рубежах, то и никаких особых укреплений строить не понадобится. Форсировать Дунай – та еще морока!

От Констанцы к Бухаресту идет шоссе, пересекающее Дунай по Чернаводскому мосту, ниже пролетов которого тянулись трубы нефтепровода. Тянулись потому, что «ДБ-3» обрушили часть моста.

К вечеру 28 июня морпехи заняли аэродром Мамайя, и сюда перебазировались эскадрильи бомбардировщиков и истребителей. На эту дату «Парижская коммуна» в сопровождении двух лидеров и крейсера «Ворошилов» нагрянула на военно-морскую базу Мангалия.

Городишко этот был едва ли не древней Констанцы, а перед войной сюда наведались англичане, вечно вынашивавшие планы «Как нам ослабить Россию». Это они присоветовали румынам выстроить новую военно-морскую базу в Мангалии.

Старая база в Констанце открыта морю, ограждена всего лишь молом, то есть не защищена, что для стоянки боевых кораблей настоящее непотребство.

А вот в Мангалии они были укрыты. Правда, ничего особенного на стоянках краснофлотцы не заметили. Здесь почивали старые торпедоносцы, еще австро-венгерской постройки – «Вифор», «Вартей», «Вижеле» и «Змеул». Тут же притулилась канонерка «Капитан Димитреску».

Сопrotивления они не оказали, а штатские стали прятаться, напуганные «свирепыми большевиками», которые, как всем известно, хлещут водку и закусывают младенцами.

Ночью на 29-е вернулись «Эльпидифоры», перебросив в Констанцу части 116-й дивизии 7-го стрелкового корпуса. Транспорт «Армения» высадил сразу полк – 1-й Черноморский ПМП¹² из Одессы под командованием подполковника Осипова.

Морская пехота при поддержке истребителей «И-16», «И-153» и «Як-1» заняла Овидиу, что неподалеку от Мамайи, а три стрелковых батальона выдвинулись из Констанцы в направлении Басараби¹³, где столкнулись с частями 8-й кавалерийской бригады из 3-й румынской армии. Завязался бой.

¹¹ Д о б р у д ж а, или северная Добруджа, – приморская восточная часть Румынии. Находится между Дунаем и Черным морем.

¹² Полк морской пехоты.

¹³ Ныне – Мурфатлар.

Против морпехов выступал 3-й полк каларашей¹⁴, где кроме обычных кавалерийских эскадронов присутствовал тяжелый эскадрон, вооруженный шестнадцатью минометами, дюжиной станковых пулеметов и четырьмя 75-миллиметровыми пушками.

Поговаривали, что в румынской кавалерии, в отличие от пехоты, царит дисциплина. Верно, дисциплина была, но она не спасла каларашей от поражения. Даже три легких танка «Шкода» не переломили ситуацию.

С криком «Полундра!» моряки-черноморцы забросали танки гранатами и бутылками с зажигательной смесью, а кавалерию встретили очередями из «Дегтяревых».

Морпехам здорово помогли пилоты на «И-16». Старенькие истребители, да удаленные – две крыльевые 20-миллиметровые пушки ШВАК, не считая пулеметов, плюс шесть реактивных снарядов РС-82 делали «ишачок» весьма зубастым зверьком.

И когда эскадрилья «И-16» обстреляла колонну 4-го полка рошиорей и конно-артиллерийского полка, а после запустили эрэсы, кони и люди разбежались.

В отличие от множества полков, которые на марше расстреливались «Мессершмиттами», десантники с морпехами продвигались под защитой 37-миллиметровых зениток, принайтовленных к кузовам грузовиков, и ДШК.

Против румынских «пулавчиков»¹⁵ этого было вполне достаточно, даже более-менее продвинутый «ИАР-80» шарahalся прочь, завидев огонь ДШК, похожий на сварочный.

Туго пришлось 1 июля, когда румынов проняло и они поняли, что советские войска – это не маленькая группа диверсантов-беспредельщиков, а батальоны морской пехоты, подержанные с воздуха и с моря.

С утра 1 июля на западе нарисовались самолеты противника – шла девятка польских двухмоторных бомбардировщиков «Лось» из 4-й группы 1-й бомбардировочной флотилии Королевских ВВС.

Судьба этих бомбовозов была плачевна.

Для участия в плане «Барбаросса» часть «Лосей» перелетела на аэродром Фошканы у самой границы с СССР.

Государственный подсекретарь авиации Георге Жиенеску с пафосом сказал тогда: «Юные летуны! Бучумы трубят, и в лесах отдается их эхо, небо урчит в песне моторов, к оружию, к штурвалу, с Богом вперед!»

Началась война, и по сигналу «Ардялул» девять «Лосей» полетели бомбить мирные советские города, но на перехват с аэродрома Измаил поднялись группа «И-153» и «И-15бис». В воздушном бою над Дунаем группа уничтожила пять «Лосей», не понеся потерь.

Та же история повторилась над местечком Меджидия – «И-16» вили виражи вокруг неповоротливых «Лосей», обстреливая их, заходя то в хвост, то снизу, то падая сверху.

Три бомбовоза, просыпая бомбы, рухнули прямо на городишко, еще парочка разбилась за окраиной. Оставшаяся четверка, поспешно сбрасывая бомбы, повернула обратно, но не ушла – зенитчики постарались.

Однако проблема заключалась не в польских «Лосях», а в немецких «Мессершмиттах» – истребителях, охранявших бомберы.

Не сумев защитить своих подопечных, пилоты «мессеров» решили отвязаться на русских. Правда, обстрела колонн, как это практиковали немцы в Белоруссии и на Украине, не произошло.

¹⁴ Что калараша, что рошиорей – разницы особой нет. И те и другие – обычные кавалеристы. Названия сохранялись по традиции.

¹⁵ Польские истребители конструкции З. Пулавского. Устаревшие, они, однако, выпускались в Румынии по лицензии на заводе компании ИАР (Индустрия Аеронаутикэ Ромынеэ) в Брашове.

Не потому, что румынские пилоты страдали человеколюбием, а потому что «ишачки» связали «худых» боем – зеленые и малиновые трассеры то и дело скрещивались, на мгновение образуя огненные многоугольники.

«И-16», уступая «Ме-109» в скорости, особенно в скороподъемности, превосходил немецкие истребители в горизонтальном маневре. Вообще, тут все зависело от мастерства и навыка самого летчика – опытные пилоты били немцев на «ишачках» так, что только шум стоял.

Из семи «Мессершмиттов» два сбили советские пилоты, еще одного свалили зенитчики. Четвертый по счету был серьезно задет, за ним вился белесый шлейф. До близкого Дуная он таки дотянул и зарылся в землю на западном, низменном берегу. А три истребителя ушли.

Наши потери в этом бою – четыре «И-16».

И тогда за «маленьких» вступились «большие» – «ДБ-3Ф» из 63-й авиабригады флота нанесли бомбовый удар по аэродромам Попешти-Леордени, Зиличи-Бузэу, Поганеле-Бузэу, Рымник-Сэрат.

Бомбардировщики шли в сопровождении истребителей, поэтому вернулись без потерь, зато у румынских 1-й и 2-й бомбардировочных флотилий, а также военно-воздушной группировки «Добруджа» была неплохо прорежена матчасть...

...От Констанцы до Дуная по прямой чуть меньше полусотни километров, поэтому уже к вечеру 1 июля передовые части вышли к Чернаводскому мосту, где и закрепились.

К этому времени части 142-й и 196-й дивизий 7-го стрелкового корпуса, высадившись в Констанце, погрузились в эшелоны и по железной дороге прибыли в Хыршову, что к северо-западу от порта, на берегу Дуная, и в местечко Бэнясу, неподалеку от границы с Болгарией.

Разведка доносила, что столь вялое сопротивление румын – явление временное. 1-я, 2-я и 18-я пехотные дивизии 4-й румынской армии срочно перебрасывались обратно в родные края. 1-я и 4-я горные бригады из состава 3-й армии спешили туда же – на защиту Добруджи.

В это самое время «Эльпидифоры» доставили в Констанцу «бэтушки» – легкие танки «БТ-7», но самое веское слово сказала Дунайская военная флотилия.

Мониторы «Железняков», «Жемчужин» и «Ударный», а также более десятка бронекатеров обстреляли и потопили в Килийском гирле румынский монитор «Ласкар Катарджиу». Экипажи мониторов «Ардеал», «Бессарабия» и «Буковина» сдались в плен, а корабли с довольно-таки мощным вооружением (120-миллиметровые орудия!) вошли в состав советской флотилии.

Обстреляв Тульчу, Галац и Брэилу, флотилия занялась патрулированием Дуная, добавив свою «плавающую» артиллерию к «сухопутным» укреплениям на правом обрывистом берегу.

Близилась бои, но вот наступление на Южном фронте было сорвано – 3-я и 4-я румынские армии были резко ослаблены, а немецкая 11-я армия не имела желаний наступать в гордом одиночестве.

И тогда генерал армии Тюленев, горячо поддержанный Октябрьским, решил нанести контрудар по немецким позициям в районе Скулян.

2 июля 2-й и 18-й мехкорпуса и стрелковый 48-й корпус, при поддержке 20-й, 21-й и 45-й смешанной авиадивизий, атаковал противника в полосе 9-й армии. Жестокие встречные бои продолжались до 4 июля, когда в ряде мест немцы были отброшены за реку Прут.

В тот же день командующий 11-й армией вермахта Ойген фон Шоберт затребовал у генералфельдмаршала фон Рундштедта передышку в наступлении на Винницу.

К вечеру 4 июля части 7-й бригады морской пехоты под командованием полковника Жидилова заняли Бабадаг, Тульчу, Сулину, Мэчин, полностью овладев Добруджанским плацдармом.

Д. Хазанов:

«Желая «растянуть» вражескую оборону, советское командование приказало одновременно с Плоешти бомбить Тульчу – сюда вечером 13 июля направились девять «ДБ-3» из 2-го мтап, ведомые комэском-4 капитаном П.Ф.Семенюком, вместе с которыми вылетели три «СБ» из 40-го бап. Задача ведущего состояла в отвлечении на себя внимания, подавлении огня зенитной артиллерии в районе порта, чтобы обеспечить успех основной группы. Впервые румынские истребители атаковали наши самолеты на подходе к цели, а после сброса бомб повторили попытку разделаться с русскими, сконцентрировав огонь на машине Семенюка.

Неожиданно его самолет вздрогнул, временно потерял управление. Летчик погиб, а штурман ст. лейтенант А.Ф. Толмачев получил тяжелое ранение. Истекая кровью, он успел вставить в передней кабине ручку управления, откинуть педали и взять управление самолетом на себя. «Ильюшин» управлялся с большим трудом – отказал левый мотор, поврежденные бомболюки остались в открытом положении.

К счастью, для того, чтобы оказаться над своей территорией, необходимо было всего лишь пересечь гирло Дуная. Чудом штурману удалось совершить посадку на фюзеляж на окраине села вблизи Измаила, после чего он потерял сознание.

Ст. лейтенант Толмачев, уже совершивший несколько вылетов на Констанцу и Плоешти, вскоре после излечения назначенный штурманом своей части, а затем флагштурманом ВВС ЧФ, удостоенный за многочисленные подвиги в июле 1943 г. звания Герой Советского Союза, впоследствии вспоминал: «Не знаю, сколько времени прошло, как я очнулся. Лежу на раскрытых парашютах. Самолет был сильно поврежден, передняя кабина разбита. Я попытался подняться, но вновь потерял сознание. Очнулся уже на операционном столе в военно-морском госпитале Измаила...»

Как теперь известно, в тот день Плоешти пострадал особенно сильно. В результате нанесенного бомбового удара и вспыхнувших пожаров было полностью разрушено два заводских корпуса, уничтожены 202 цистерны с горючим, 46 нефтебаков, два склада. Противник лишился около 220 тысяч тонн нефтепродуктов. Гигантское зарево на нефтеперегонном заводе «Униреа» продолжалось трое суток. На длительное время вышли из строя нефтеперегонные заводы «Орион» и «Астра-Романия». Огонь освещал весь район, ночью было светло, как днем...»

Глава 6 Добруджа

1. Добруджанский плацдарм, Констанца. 20 июля 1941 года

К началу июля группа армий «Юг» вышла из грандиозного танкового сражения в районе Луцк – Ровно – Броды, в ходе которого были перемолоты шесть мехкорпусов РККА.

К 10 июля немцы заняли Львов, Тернополь, Винницу и Житомир. В тот же день Ставка передала общее командование частями Красной армии, действовавшими на Юго-Западном и Южном направлениях, маршалу Будённому.

Филипп Октябрьский прекрасно помнил, как все это вышло «в тот раз»: тогда Семен Михайлович едва успел принять командование, как вдруг между группировками Южного и Юго-Западного фронтов вклинились танковые дивизии фон Клейста.

Но теперь у группы армий «Юг» вышла заминка. На календаре уже 20 июля, а ни Бердичев, ни Казатин немцами не взяты¹⁶.

Все застопорилось из-за неудач на Южном фронте – высадка объединенных сил Красной армии и Красного флота в Добрудже смешала гитлеровцам все карты.

11-я армия вермахта пыталась перейти в наступление самостоятельно, без поддержки румынских 3-й (Думитреску) и 4-й (Чуперца) армий, но ее сил оказалось явно недостаточно – большие потери, понесенные немцами в боях с войсками Южного фронта, служили тому доказательством.

16 июля командование группы армий «Юг» перебросило в Молдавию подкрепления. 1-я танковая группа ни за что не хотела ослаблять свои ряды, но на генерал-полковника фон Клейста надавили из Берлина, и тот, со скрежетом зубным и с проклятиями в адрес «неумехи Шоберта», выделил две танковые дивизии – 14-ю из 3-го моторкорпуса и 16-ю из 48-го моторкорпуса.

Генерал фон Штюльпнагель, командующий 17-й армией вермахта, наступавшей южнее 1-й танковой группы, вычленил из 4-го армейского корпуса 33-ю пехотную дивизию.

Вот эти силы и ударили по Каменец-Подольскому укрепленному району, где оборонялся правый фланг 18-й армии Южного фронта.

Красная армия с боями отступала. Оставив Кишинев и Бельцы, советские войска были отведены за Днестр, занимая оборону по линии укрепленных районов.

11-я армия вермахта вела наступление в Буджаке, между Дунаем и Днестром. С частями 9-й армии, удерживавшими Тираспольский, Дунайский и Одесский укрепрайоны, активно взаимодействовал Черноморский флот.

Флотские «ДБ-3Ф» и «СБ» вылетали на бомбежки вместе с «Пе-2» ВВС Южного фронта. Их сопровождали «мигари».

После того как Октябрьский передал точные и своевременные «разведданные», его авторитет в штабе фронта сильно укрепился, а за оккупацию Добруджи вице-адмиралу и вовсе оказали уважение.

Поэтому предложение Филиппа использовать «флотские» и «фронтовые» ВВС не просто сообщая, а концентрировать силу авиаударов, применяя сотни самолетов для достижения господства в воздухе, было поддержано.

И скоро дало плоды.

¹⁶ Бердичев был занят вермахтом 15 июля, а Казатин – 16-го.

Массированные бомбардировки и обстрелы немецких танковых колонн на марше, цистерн с топливом, мотопехоты создавали хаос, перед которым хваленый ордунг пасовал.

4-й воздушный флот люфтваффе был в основном задействован на главном направлении, и ВВС РККФ и РККА имели дело с румынскими самолетами, плохонькими, но в количестве пяти сотен.

Впрочем, это число постоянно уменьшалось – бомбардировщики «Лось» и «Потез», истребители «ИАР» и «Хейнкель-112» целыми эскадрильями перебрасывались в Добруджу.

Немцы ворчали, но относились к этому с пониманием – захват русскими Добруджи открывал для Красной армии дорогу к нефтепромыслам Плоешти, что было крайне опасно.

А транспорты работали как часы, мотались челноками, перебрасывая к Констанце и Мангалии все новые батальоны, танки, орудия.

28 июля «Красный Аджаристан» и «Красная Грузия» выгрузили два дивизиона новеньких «катюш», а это уже было не просто подкрепление – в Москве высоко оценили смелую инициативу Октябрьского, потому и выделяли полусекретное оружие.

У кого-то из штабистов даже родилось романтическое сравнение Добруджи с Мальстремом, мифическим водоворотом, в чьей грохочущей воронке бесследно исчезают корабли.

Румынские бомбардировщики и танки, батальоны и эскадроны форсировали Дунай и бросались в атаку на «оккупантов», артиллерийские батареи с левого берега великой реки вели обстрел укреплений на правом, советском берегу, авианалеты повторялись регулярно. И все эти силы, брошенные против «проклятых большевиков», таяли, пропадали, обращались в тлен и прах.

Самолеты гребились, сотни и сотни трупов в румынской военной форме уносило течением, а однажды на высокий берег на крутой вышли «катюши», и завели свою песню, ужасающим воем и ревом покрыв дунайские воды. Тогда целая румынская дивизия в панике разбежалась, бросая винтовки, но реактивные снаряды были быстрее, и от них не находилось спасения.

Залп «катюш» накрыл артиллерийские позиции румынских войск, и это переполнило чашу терпения немецкого командования – было решено направить в Добруджу «доблестные войска вермахта». Что и требовалось доказать.

Свой штаб Октябрьский разместил в Констанце, в том же здании, где ранее бродили чины Королевского ВМФ.

Ныне тут бегали моряки-черноморцы.

Может, Филипп и ошибался, но ему казалось, что поведение соратников менялось. Все-таки многое зависит от командующего.

Если комфлота не ведет себя малодушно, то и его подчиненные не проявят трусости. Хотя бы для того, чтобы не выделяться.

Ведь многие в штабах всех уровней являются чиновниками, пускай и в военной форме. А для чиновника равенство на вышестоящего – основа службы. Он будет дико бояться, но виду не покажет, просто для того чтобы не вызвать начальственного осуждения.

А за последний месяц многие осмелели, оживились – большой разворот дел на флоте поневоле затягивал.

Да еще и Москва дала добро! Чего же лучше?

Октябрьский подошел к окну и выглянул на улицу. Люднее сделалось – местные подрожали, подрожали, прячась по окрестным селам, да и возвращаться стали.

Военные патрули за порядком следили строго, ворьё всякое да мародеров сразу к стенке ставили. Так что грабежей с погромами новая власть не допускала, и жители Констанцы поражались, заставая свой скарб не тронутым.

Потихоньку все оживало – торговлишка раскрутилась, докеры на смену вышли, а работенки им привалило, одни только «суда-утопленники» чего стоили.

Флотские интенданты блюли неподкупность, с румынскими поставщиками торговались, но расплачивались честно.

Октябрьский подошел к большой карте, висевшей на стене.

Все названия были на румынском, но понять, что где, было можно. Линия обороны, выведенная красным, тянулась вдоль Дуная.

Если немцы припрутся, то с севера их ждать не стоит – там плавни, болота, путаница островков и протоков. Ну, разве что в этом месте, где разливается озеро Ялпуг.

А вот в районе Мэчина местность сухая и гористая. Скорее всего, немецкие танки стоит ожидать со стороны Галаца или Брэилы. Или от Фетешти, что напротив Чернаводэ, куда подходит железная дорога. А то и с обоих направлений сразу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.